

приоритет2030⁺
право для лидерства

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

*«Правовые проблемы использования
искусственного интеллекта»*

Авторы доклада:

Минбалеев Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Добробаба Марина Борисовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Ефремов Алексей Александрович – профессор кафедры информационного права и цифровых технологий ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», доктор юридических наук, доцент.

Щитова Анастасия Андреевна – кандидат юридических наук, ст. преподаватель кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

СОДЕРЖАНИЕ

1. Искусственный интеллект: теоретико-правовые основы.....	4
2. Анализ основных проблем использования искусственного интеллекта.....	22
3. Проблемы моделирования Закона об искусственном интеллекте.....	60
4. Оценка правовых рисков проектов цифровой трансформации на основе технологий искусственного интеллекта.....	69
5. Проблемы правового регулирования применения генеративного искусственного интеллекта.....	75
Список литературы.....	85

1. Искусственный интеллект: теоретико-правовые основы

Понятие искусственного интеллекта

Проблема сущности искусственного интеллекта долгое время обсуждается в юридической науке. По мнению Г.С. Осипова, искусственный интеллект выступает предметом компьютерных наук, а создаваемые на ее основе технологии являются информационными технологиями, позволяющими совершать разумные рассуждения и действия с помощью вычислительных систем и иных искусственных устройств¹.

Представляется, что конструирование легального определения понятия «искусственный интеллект» должно строиться на основе общелогических методов, а также диалектического развития. Общелогические методы принципиально важны с точки зрения того, что искусственный интеллект – это совокупность информационных, в том числе цифровых технологий, в связи с чем при развитии законодательства об искусственном интеллекте важно осуществлять и развитие общего законодательства об информационных технологиях, а также формирование понятийного аппарата в сфере особой их разновидности – цифровых технологий. Метод системного анализа позволяет рассматривать искусственный интеллект как совокупность технологий, интегрированных в единый механизм, подчиненный определенным целям и задачам, которые определены заказчиком и разработчиком.

Метод диалектического развития важен, поскольку позволяет проследить эволюцию официального определения искусственного интеллекта от исключительно технического подхода, который во многом используется в современном легальном определении искусственного интеллекта, к более универсальному, учитывающему цели не только его использования в техническом регулировании и вопросах стандартизации, но и правового и этического регулирования. Так, Камалова Г.Г. и Наумов В.Б.

¹ Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России Закона о робототехнике // Труды СПИИ РАН. 2017. Вып. 6. С. 46-62. С. 3–13.

отмечают, что «со времени введения в научный оборот и по сегодняшний день определение базового понятия «искусственный интеллект» строится на дихотомии понятий «естественный интеллект» («интеллект») / «искусственный интеллект». Это выявляет их необходимую взаимосвязь, позволяет преодолеть ограниченность формально-логического метода права и непротиворечиво отразить в теоретическом построении диалектические основы регулирования»¹.

Увеличение научных представлений об искусственном интеллекте, опыта дефинирования этой категории в зарубежном законодательстве, формирующаяся российская и зарубежная правоприменительная практика детерминируют качественно новый подход к определению искусственного интеллекта. Это методологически обуславливает необходимость совершенствования легальной дефиниции искусственного интеллекта.

В юридической литературе сегодня можно выделить ряд предложений по определению искусственного интеллекта. По мнению П.М. Морхата, «искусственный интеллект – это полностью или частично автономная самоорганизующая (и самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyber physical), в том числе био - кибернетическая (bio cybernetic), система наделённая/обладающая рядом программно-синтезированных способностей и возможностей»². Преимуществом данного подхода является то, что такое определение позволяет определить предметную составляющую понятия «искусственный интеллект», выделяя такую его характеристику, как «автономность». Понкин И.В. и Редькина А.И. придерживаются во многом схожего подхода и рассматривают данную технологию как «искусственную сложную кибернетическую компьютерно-программную систему с

¹ Наумов В.Б., Камалова Г.Г. Вопросы построения юридических дефиниций в сфере искусственного интеллекта // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2020. Т. 15. № 1. С. 85.

² Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: Буки Веди, 2017. - 257 с.

когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными вычислительными мощностями, обладающую свойствами субстантивности (включая определенную правосубъектность и автономность), элаборативной операциональностью, высокоуровневыми возможностями восприятия и моделирования окружающих образов, самореферентно принимающего и реализующего решения, анализирующего и понимающего свое поведение и опыт, самостоятельно моделирующего и корректирующего алгоритмы действий, воспроизводящего когнитивные функции (включая связанные с глубинным самообучением), способного самореферентно адаптировать свое поведение и осуществлять омологацию себя и подсистем»¹. Аналогичной позиции придерживается П.М. Морхат².

Камалова Г.Г. и Наумов В.Б. при анализе возможной модели понятия «искусственный интеллект» справедливо выделяют «следующие ключевые характеристики искусственного интеллекта: 1) факультативность аппаратного воплощения. Технология искусственного интеллекта прежде всего включает в себя программы для ЭВМ, базы данных, компьютерные алгоритмы и их модели; 2) способность системы анализировать окружающую среду; 3) наличие определенной автономности в функционировании; 4) наличие способности накопления опыта, его оценки и реализации задачи самообучения; 5) наличие «интеллектуальности», описываемой через категории «разумности», «рациональности» или способности «мыслить, как человек», или «действовать, как человек», во всех или в определенных обстоятельствах»³.

За рубежом искусственный интеллект чаще всего понимают в прикладном аспекте как технологии или технологи и методы. В

¹ Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.

² Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: науч. монография. М., 2017. С. 39–40, 63–64, 68.

³ Наумов В.Б., Камалова Г.Г. Вопросы построения юридических дефиниций в сфере искусственного интеллекта // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2020. Т. 15. № 1. С. 90.

Великобритании, США и других странах искусственный интеллект определяется через конкретные методы и технологии, обеспечивающие результаты сопоставимые с результатами человеческой интеллектуальной деятельностью¹. Часто отождествляют и непосредственно с системами искусственного интеллекта. Однако искусственный интеллект это сложный информационный объект, включающий в себя совокупность технологий, которые реализуются в той или иной системе – интеллектуальной информационной системе или системе искусственного интеллекта². Но эти понятия стоит разводить. Наиболее полное определение системы искусственного интеллекта сегодня дается в Европейском Союзе. Проект регламента, устанавливающий гармонизированные правила в отношении искусственного интеллекта, в компромиссного тексте заключительной редакции под системой искусственного интеллекта понимается «система, которая (i) принимает данные машинного и/или человеческого происхождения и входные сигналы, (ii) делает логические выводы о том, как достичь набора целей, определенных человеком, используя обучение, рассуждение или моделирование, которые реализуются посредством методов и подходов, закрепленных в Приложении I, и (iii) генерирует результаты в виде контента (генеративные системы искусственного интеллекта), прогнозов, рекомендаций или решений, которые влияют на среду, с которой система взаимодействует»³.

¹ Industrial Strategy. Building a Britain fit for the future. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/664563/industrial-strategy-white-paper-web-ready-version.pdf (дата обращения: 15.09.2023 г.); NIST. U.S. LEADERSHIP IN AI: A Plan for Federal Engagement in Developing Technical Standards and Related Tools. URL: https://www.nist.gov/system/files/documents/2019/08/10/ai_standards_fedengagement_plan_9aug2019.pdf. Accessed 2021 August 23 (дата обращения: 15.09.2023 г.).

² Щитова А.А. Правовое регулирование информационных отношений по использованию систем искусственного интеллекта: дисс. ... к.ю.н. М., 2022. 225 с.; Марченко А.Ю. Правовой анализ новейшего законодательства ЕС о применении технологий искусственного интеллекта: дисс. ... к.ю.н. М., 2022. С. 9-10.

³ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union legislative acts - Presidency compromise text. 2021. URL:

Как отмечает А.Ю. Марченко, «данное определение ...позволяет лучше отделить технологии искусственного интеллекта от всех остальных, в частности, за счет указания на способность систем «определять, как достичь заданного человеком набора целей, используя обучение, рассуждение или моделирование»¹.

В целом с этим можно согласиться, но необходимо учесть ряд моментов. В нем указывается, что под системой искусственного интеллекта понимается «система, которая (i) принимает данные машинного и/или человеческого происхождения и входные сигналы...». Между тем необходимо учитывать, что данные могут быть смешенного происхождения, причем сегодня поднимается вопрос о снятии с человека ответственности, если те или иные данные смешенного характера корректировались человеком, а для некоторых ситуаций должны делаться допущения об отсутствии юридической ответственности. Любые входящие сигналы, данные выступают разновидностями информации. При этом, при проведении такой градации с позиции законодательства значительного количества государств мира, к информации помимо сигналов и данных относятся еще и сообщения, которые разграничиваются с сигналами. В связи с этим возникает вопрос о необходимости доработки определения, чтобы сделать его более универсальным с точки зрения тех информационных объектов, которые воспринимает система искусственного интеллекта.

Кроме того, для некоторых систем в алгоритме может быть заложено, что отсутствие поступления информации является основанием для принятия решений, то есть возникает ситуация, когда система ничего не принимает, а в ней уже заложено основание для принятия решение и оно принимается по факту.

<https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14278-2021-INIT/en/pdf> (дата обращения: 20.09.2023).

¹ Марченко А.Ю. Правовой анализ новейшего законодательства ЕС о применении технологий искусственного интеллекта: дисс. ... к.ю.н. М., 2022. С. 35.

Также в определении устанавливается, что система искусственного интеллекта генерирует решения, которые «вливают на среду, с которой система взаимодействует». Однако имеется целый класс систем искусственного интеллекта, которые создаются исключительно для их же развития, для проведения исследований механизмов саморазвития системы. Все это обуславливает вопросы об универсальности такого определения и возможной необходимости наличия исключений.

Полагаем, что в случае закрепления данных уточнений в определении системы искусственного интеллекта, оно окажется достаточно универсальным для его официального применения.

Таким образом, можно выделить несколько подходов к пониманию искусственного интеллекта выражается в формуле «думающий, как человек» (1-й подход) и «действующий как человек» (2-й подход). Вместе с тем, данные подходы далеки от современных реалий, поскольку в них речь идёт о сильном ИИ. Основным недостатком подобного понимания ИИ является отсутствие критерия «человечности» интеллекта, что проявляется, прежде всего, с юридической точки зрения, в отсутствии юридико-научной дефиниции «человеческого интеллекта»¹.

Другие два подхода понимания ИИ исходят из критерия рациональности мышления (3-я концепция) и рациональности действия (4-я концепция).

По мнению сторонников данных подходов, техническая система считается ИИ, если думает и действует правильно, но только при том условии, что она знает, что «правильно», а что нет, действуя при этом рационально². Недостатком данных подходов является соблюдение

¹ Писаренко М.С. К вопросу об искусственном интеллекте и его сущности // Вопросы российской юстиции. 2020. №10. С. 47.

² Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Зенин С.С., Лебедев В.А. Киберфизические, кибербиологические и искусственные когнитивные системы: сущность и юридические свойства // Российское право: образование, практика, наука. 2019. №3 (111). С. 78.

рациональности (интеллектуальный момент), что, применительно к ИИ, который может идти в разрез с человеческой этикой.

Понятие искусственного интеллекта в Российской Федерации впервые официально было закреплено в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации (далее – Национальная стратегия ИИ, Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года), под которым понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений».¹

Аналогичное определение искусственного интеллекта в последующим нашло отражение в специальном федеральном законе². Также данный закон устанавливает, что к технологиям искусственного интеллекта относятся технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта (включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта).

¹ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

² Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 № 123-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

В качестве ключевых проблем, связанных с данным определением, учеными справедливо отмечаются следующие:

- искусственный интеллект определяется через его сходство с человеческими когнитивными способностями, что само по себе довольно спорно;

- упоминание о когнитивных способностях человека применительно к искусственному интеллекту за рубежом традиционно используется только в стратегических или консультативных документах, но не в нормативных правовых актах, в которых искусственный интеллект определяется через конкретные технические методы и результатов, которые могут быть получены с их помощью.

- четко не определены признаки результатов интеллектуальной деятельности человека,

- понятие «технологии искусственного интеллекта» является примером нарушения законов логики, поскольку утверждение выводится само из себя¹.

Важно отметить, что легальное понимание искусственного интеллекта сконструировано исходя из технического восприятия данной технологии и для его правильного применения данное определение необходимо системно толковать с рядом других (технологическое решение, информационно-коммуникационная инфраструктура, методы машинного обучения и др.). Некоторые из них закреплены в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, часть закрепляются в стандартах, а часть легально отсутствует в социальных и технических нормах.

Таким образом, искусственный интеллект представляет собой совокупность информационных технологий, в том числе цифровых, позволяющих решать на основе тех или иных систем проблемы, связанные с возможностью их решения преимущественно на уровне

¹ Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach / V. V. Arkhipov, A. V. Gracheva, V. B. Naumov [et al.] // State and Law. 2022. No 1. P. 174-175.

человеческого интеллекта.

Сложности юридического конструирования понятий «искусственный интеллект», «робот» приводят к тому, что предлагаемые определения не полностью учитывают всех особенностей данных объектов, вызывают опасность чрезвычайно широкого их толкования как в процессе реализации, так и в правоприменении.

Бернард Марр справедливо указывает, что «определения искусственного интеллекта начинают меняться в зависимости от целей, которые пытаются достичь с помощью системы искусственного интеллекта. Как правило, люди вкладывают средства в развитие искусственного интеллекта для одной из этих трех целей: создание систем, которые думают точно так же, как люди («сильный искусственный интеллект»); создание систем, которые будут работать, не понимая, как работает человеческое мышление («слабый искусственный интеллект»); использование человеческого мышления в качестве модели, но не обязательно конечной цели»¹.

Важно решить вопрос о том, на уровне какого регулирования, в каких нормативных правовых актах наиболее оптимально закреплять данные определения. Их определение на уровне федерального закона нам представляется наиболее вероятностной моделью, но не единственной.

Полагаем, что на уровне федерального закона необходимо закрепить общее определение искусственного интеллекта как совокупности информационных технологий, позволяющих на базе тех или иных систем выполнять задачи сопоставимые с решаемыми на уровне человеческого интеллекта. На уровне федерального закона также чрезвычайно важно определить принципы и требования использования данных технологий. А уже характеристики той или иной системы, а также конкретных

¹ *Marr B.* The Key Definitions Of Artificial Intelligence (AI) That Explain Its Importance. URL: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2018/02/14/the-key-definitions-of-artificial-intelligence-ai-that-explain-its-importance/#4da358124f5d> (дата обращения: 15.09.2022 г.).

используемых технологий устанавливать на уровне нормативно-технических актов и подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих конкретные отношения, связанные с использованием искусственного интеллекта. Так, например, отдельные понятия тех или иных разновидностей систем искусственного интеллекта и их особенности более приоритетно раскрывать на базе технического регулирования, которое более оперативно реагирует на внедрение новых технологий, а уже на уровне нормативных правовых актов делать соответствующую привязку к технической норме.

Широкий подход к пониманию искусственного интеллекта позволит максимально учесть возможности данных технологий для решения самых различных задач в любой сфере общественной жизни. А в зависимости от конкретных целей использования данных технологий, а также особенностей тех или иных систем, на основе которых они реализуются, можно устанавливать к ним специальные требования. Именно такая модель позволит гибко регулировать развитие искусственного интеллекта и те новые его виды и типы, которые появляются в ходе технологического развития.

Правовой статус или правовой режим искусственного интеллекта

Развитие искусственного интеллекта и неуклонное расширение сфер его применения вызывает особый интерес представителей юридической науки. В последнее время актуализируется вопрос о том, каким правовым статусом – объекта или субъекта права – будет наделён искусственный интеллект (далее – ИИ). К сожалению, приходится признать, что в нашей стране теория значительно отстаёт от научно-технического прогресса, в результате до сих пор остаются нерешёнными многие вопросы правового регулирования ИИ, связанные с его интеграцией в человеческое общество.

На важность проблематики использования ИИ неоднократно обращал внимание Президент РФ, подчёркивая, что ИИ – «...одно из ключевых направлений технологического развития, которые определяют и будут

определять будущее всего мира – если кто-то сможет обеспечить монополию в сфере искусственного интеллекта, ... тот станет властелином мира»¹.

Правовое регулирование ИИ отличается междисциплинарным подходом, поскольку имеет конституционно-правовые, гражданско-правовые, административно-правовые, уголовно-правовые, трудовые и другие аспекты. В целях обеспечения ускоренного развития ИИ в Российской Федерации утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года² (далее – Стратегия), одним из направлений которой является создание комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий ИИ.

Попытка ответить на вопрос «наделён ли искусственный интеллект статусом объект или субъекта права», требует обращения к нормам гражданского законодательства, в соответствии с которым робот может считаться объектом гражданских прав, относящимся к такой категории, как «вещи». Данный вывод можно сделать, руководствуясь ст. 128 Гражданского кодекса РФ³ (далее – ГК РФ), в соответствии с которой перечень вещей не является исчерпывающим, а включает, наряду с другими объектами, *иное имущество*, что и позволяет отнести робота к вещи.

Вместе с тем, робот – достаточно специфичный объект гражданских правоотношений. Так, например, общепринятым является мнение, что творчество доступно лишь человеку. Однако предмет, наделённый ИИ, тоже способен выполнять некоторые творческие функции: рисовать эскизы различных предметов, имеющих в его базе (самообучающаяся нейросеть

¹ Путин: монополист в сфере искусственного интеллекта может стать властелином мира [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6489864> (дата обращения: 28.08.2023).

² См.: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2023. № 31 (ч. 3). Ст. 5777.

Sketch-RNN), сочинять музыку (система ИИ Amper), писать романы (робот Японского Университета будущего в Хакодате). В то же время, в силу того, что робот не признан субъектом права, он не может быть автором данных произведений.

Учитывая то, что согласно ст. 1257 ГК РФ «автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано», таковым не является также разработчик и владелец, эксплуатирующий систему. Для решения данной проблемы выдвигаются предложения о разработке новой категории произведений — созданных искусственным интеллектом¹. Эта и ряд других проблем ИИ, как объекта права, требуют своего решения.

Как справедливо отмечает Ю.А. Тихомиров, правовое положение робота как объекта права практически не подвергается сомнению, однако в будущем планируется переложение на робота всё большее количество функций, которые выполняет человек². Практическая потребность в цивилистической легитимизации юридической личности у высокоразвитой робототехники, обусловлена, в первую очередь, проблемой юридической ответственности за действия ИИ.

Решение вопроса о признании ИИ субъектом права в значительной степени зависит от степени его автономности, и здесь определяющим фактором является скорость развития цифровых технологий. На сегодняшний день можно констатировать, что ни одна система ИИ не является полностью автономной и, соответственно, не может обойтись без участия в её работе человека. Не случайно в резолюции Европейского парламента 2017 г. упоминается о правосубъектности роботов только как о

¹Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2019. №. 2. С. 80.

²Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М.: Проспект, 2019. С. 29.

долгосрочной перспективе, относящейся исключительно к наиболее продвинутым и автономным роботам¹.

Впервые нормативное определение ИИ дано в Стратегии, где ИИ понимается как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений (пп. «а» п. 5).

Данное определение ИИ не является универсальным и применяется лишь для целей данной Стратегии. Однако, даже исходя из данного определения, наделение технических устройств возможностями, схожими с интеллектуально-волевой деятельностью человека, требует решения проблемы о возможности отнесения ИИ к субъектам права.

Как известно, в теории субъект права определяется как лицо, обладающее способностью осуществлять субъективные права и нести юридические обязанности. В последнее время всё чаще при анализе проблемы наделения ИИ качествами субъекта права предлагается, наряду с физическими и юридическими лицами, выделять такой субъект права, как «электронное лицо», что уже стало предметом законодательной инициативы в Евросоюзе². Представляется, что использование термина «электронное лицо» к предметам, наделённым ИИ, указывает на намерение придать им

¹ Civil law rules on robotics European Parliament. Legislative Observatory. URL: [https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?lang=en&reference=2015/2103\(INL\)](https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?lang=en&reference=2015/2103(INL)) (date of access: 10.06.2023).

² Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // [Электронный ресурс] URL: [Электронный ресурс] URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML%2BCOMPARL%2BPE-582.443%2B01%2BDOC%2BPDF%2BV0//EN> (дата обращения: 28.05.2018).

статус личности, наделив правосубъектностью. Однако подобный подход не позволяет решить вопрос об ответственности ИИ.

В юридической науке превалирует точка зрения, что для признания лица субъектом права необходимо обладание им следующими юридическими свойствами, такими как: 1) способность лица быть носителем субъективных прав и обязанностей (правоспособность); 2) свобода воли лица, то есть свобода выбора конкретного содержания своих поступков и способность принимать адекватные решения; 3) обязательность признания лица субъектом права юридическими нормами¹.

Можно согласиться, что на современном этапе развития цифровой экономики электронное лицо следует рассматривать как фикцию, наделяемую определёнными свойствами правосубъектности, но имеющую определённые ограничительные пределы². Названные ограничения связаны с тем, что свойственные им элементы правосубъектности не совпадают с содержанием правосубъектности физических и юридических лиц. Вместе с тем, данная фикция, созданная человеком для целей, связанных с участием в общественных отношениях, в которых применяются цифровые технологии, в перспективе должна получить нормативное закрепление.

При сопоставлении правосубъектности физического и электронного лица, становится очевидным, что если человек наделяется правами и обязанностями с рождения, то возникновение правоспособности у ИИ связано с другими юридическими фактами. Так, наделение ИИ правами может произойти только на основании нормативного акта. В свою очередь обязанности ИИ определяются его функциональностью (например, обязанность беспилотного автомобиля доставить человека из одного заданного пункта в другой).

В правовой доктрине, законодательстве и практике предложен ряд конструкций, которые могут быть востребованы применительно к роботам.

¹ Оль П.А. Нация как субъект права: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 14.

² Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. С. 88.

Так, наиболее распространёнными являются следующие подходы к правовому регулированию ИИ: 1) решить вопрос по аналогии с физическими лицами; 2) приравнять роботов к животным; 3) использовать концепцию, близкую к юридическим лицам.

Решая вопрос о возможности *приравнять робота к человеку*, предпринимаются попытки сопоставить правовой статус робота и ребёнка, учитывая, что последний, не являясь полностью дееспособным, также обладает автономией воли, а ответственность за действия ребёнка, согласно п. 1 ст. 1073 ГК РФ несут его родители. Согласимся, что подобная конструкция в случае применения к роботам породит ряд проблем, в том числе обеспечения прав роботов и ответственности их опекунов¹.

Подход, в соответствии с которым предлагается *приравнять робота к животным*, стал рассматриваться с 2016 году в разрезе концепции ответственного обращения с животными, когда в Общественной палате РФ начались дискуссии на тему того, чтобы признать животных субъектами права с ограниченной дееспособностью. В этом случае их опекун должен нести ответственность за поступки и состояние подопечного².

В том же году основателем компании Grishin Robotics Д. Гришиным общественности была представлена концепция закона о робототехнике, в которой правовое положение ИИ сходно с правовым положением животных. По мнению автора, ввиду отсутствия эмоций, роботы не могут быть субъектами права, однако это не исключает их способность подобно животным осуществлять автономные действия и поэтому они могут быть наделены правосубъектностью. При этом необходимо установление

¹ См.: Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. С. 37.

² Животных признают субъектами права с ограниченной дееспособностью [Электронный ресурс] URL: <http://mospravda.ru/2016/11/14/17320/> (дата обращения: 16.09.2023).

ответственности разработчиков робототехники, которая может причинить ущерб людям¹.

Полагаем, гипотетически концепция, приравнивающая роботов к животным, имеет права на существование, однако встаёт вопрос об отсутствии у роботов как эмоций, так и сознания, даже приближенного к сознанию животных.

Рассматривая *концепцию робота по аналогии с юридическим лицом*, следует обратиться к п. 1 ст. 48 ГК РФ, согласно которой юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде.

Интересно, что разработчики проекта Конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте, используя концепцию, близкую к юридическим лицам, предложили внести в часть 1 ГК РФ новую главу 5.1 «Роботы-агенты», определив в качестве последних «роботов, которые по решению собственников и в силу конструктивных особенностей предназначены для участия в гражданском обороте. В пределах, установленных законом, робот-агент может иметь обособленное имущество и отвечать им по своим обязательствам, от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, а также выступать в качестве участника гражданского процесса»².

Как отмечается в научной литературе, при таком подходе мы признаём наличие присущих только человеку качеств сознания и воли у

¹ Дмитрий Гришин представил проект регулирования правового статуса роботов в России [Электронный ресурс] URL: <http://robotrends.ru/pub/1650/dmitriy-grishin-predstavil-proekt-regulirovaniya-pravovogo-statusa-robotov> (дата обращения: 06.08.2023).

² Наумов В.Б., Архипов В.В. Проект федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» / Право и информация: вопросы теории и практики : сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Н. А. Шевелёва, д-р юрид. наук, проф. 2018. С. 221.

роботизированной техники¹. Полагаем, не стоит забывать, что юридические лица также способны реализовывать данное качество человека – «общую волю» коллектива людей, которая может рассматриваться в качестве воли данного юридического лица. Одновременно следует уточнить, что авторы законопроекта рассматривают робота-агента не только в качестве субъекта, но и в качестве объекта права, поскольку у него есть собственник. Получается несколько странная конструкция – речь идёт о вещи, наделенной волей и сознанием².

Можно согласиться, что на современном этапе развития цифровой экономики электронное лицо следует рассматривать как фикцию, наделяемую определёнными свойствами правосубъектности, но имеющими определённые ограничительные пределы³. Названные ограничения связаны с тем, что свойственные электронному лицу элементы правосубъектности не совпадают с содержанием правосубъектности физических и юридических лиц. Вместе с тем, данная фикция, созданная человеком для целей, связанных с участием в общественных отношениях, в которых применяются цифровые технологии, в перспективе должна получить нормативное закрепление.

Таким образом, вопрос о наделении ИИ статусом субъекта права в настоящее время не может быть решён положительно. Наиболее приемлемым, на наш взгляд, является признание роботов квази-субъектами права, однако для реализации данной концепции в настоящее время отсутствуют объективные основания. Представляется, что в ближайшей перспективе говорить о наделении ИИ таким юридическим качеством, как правосубъектность преждевременно, соответственно являясь только объектом права, ИИ не может рассматриваться в качестве субъекта права.

¹ Иванов А. Мечтают ли андроиды об электроовцах? // Закон.ру. 2017. URL: https://zakon.ru/blog/2017/2/15/mechtayut_li_androidy_obelektroovcah (дата обращения: 13.08.2023).

² Федорина А.А. К вопросу о правовом статусе робототехники и искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. URL: https://urfac.ru/?p=1285#_ftn23 (дата обращения: 16.07.2023).

³ См.: Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. С. 88.

2. Анализ основных проблем использования искусственного интеллекта

Развитие технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) ставит серьезные вызовы перед российским государством и обществом в целом¹. Они обусловлены определенной степенью автономности действий систем ИИ в решении поставленных задач и их неспособностью непосредственно воспринимать этические и правовые нормы, учитывать их при осуществлении каких-либо действий.

Следует признать, что Россия находится на подготовительном этапе широкого применения систем ИИ: уже сейчас разработаны первые стандарты в этой области², приняты: план разработки стандартов в области ИИ на 2021–2025 годы³, Стратегия развития ИИ на период до 2030 г.⁴, Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г.⁵, а интеллектуальные системы активно внедряются в отдельные сферы государственного управления, а также в предпринимательскую и иную экономическую деятельность (сфера бизнеса).

¹ Добробаба М. Б., Минбалеев А. В. Пандемия как новый импульс развития системы регулирования отношений, применяемых в сфере искусственного интеллекта, применяемого в государственном управлении // Роль и значение права в условиях пандемии: монография по итогам Международного онлайн-симпозиума / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М., 2021. С. 167–177.

² См., например: ГОСТ Р 58776-2019 «Национальный стандарт Российской Федерации. Средства мониторинга поведения и прогнозирования намерений людей. Термины и определения», утв. приказом Росстандарта от 20.12.2019 № 1429-ст.

³ См.: распоряжение Правительства РФ от 23.03.2018 № 482-р (ред. от 28.05.2020) «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Технет» (передовые производственные технологии)» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 15 (ч. 5). Ст. 2173.

⁴ См.: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁵ Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р // Собрание законодательства РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.

В процессе использования ИИ возникает ряд проблем, основные из которых будут проанализированы ниже.

Проблемы применения ИИ в отдельных сферах государственного управления

В Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники установлено, что законодательство РФ допускает только точечное «делегирование» определенных решений системам ИИ, где это объективно целесообразно и не несет угрозы основополагающим правам и свободам человека, обороне страны и безопасности государства.

Для реализации отдельных элементов «делегирования» предусматривается возможность применения инструмента *экспериментальных правовых режимов («регуляторных песочниц»)*. Так, в соответствии с ФЗ от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹, в Москве, начиная с 2020 года, введен 5-летний экспериментальный режим для развития технологий ИИ².

Лидерами среди российских государственных органов по применению технологий ИИ являются: Федеральная налоговая служба (ФНС России), Федеральная антимонопольная служба (ФАС России), Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент).

В числе перспективных направлений применения технологий ИИ в государственном секторе:

– автоматизация отчетности и документооборота, в том числе смарт-контракты;

¹ Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5017.

² Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных" от 24.04.2020 № 123-ФЗ» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

- предотвращение нарушений за счет оценки рисков, мониторинга транзакций;
- оптимизация инспекций (за счет автоматического скоринга и определения приоритетов);
- проверка контрагентов / потенциальных поставщиков на благонадежность;
- защищенный сбор, хранение и анализ персональных и конфиденциальных данных;
- машиночитаемое и машинопроектируемое законодательство;
- цифровые суды для удаленного разрешения споров.

В настоящее время существует несколько сфер государственного управления, для которых характерно активное внедрение технологий ИИ. К числу таких сфер относят здравоохранение, образование, управление транспортными потоками, управление миграционными потоками и др.

К примеру, в сфере здравоохранения формируется система умных помощников: помощь врачам в разработке рекомендаций и советов; аналитический инструментарий; определение генетической предрасположенности к тем или иным заболеваниям; системные решения тех или иных медицинских проблем¹.

Сфера образования также является потенциальным плацдармом для внедрения ИИ: с помощью технологий ИИ осуществляется отслеживание успехов каждого учащегося; целевая помощь в планировании образования и трудовой карьеры².

¹ Добробаба М.Б. Искусственный интеллект в здравоохранении: тенденции и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы права и экономики в ракурсе междисциплинарных научных исследований как формы международного сотрудничества. Сер. "Актуальные проблемы зарубежного и российского права" / Под общей редакцией В.В. Блажеева, М.А. Егоровой; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА); Международный альянс юристов и экономистов (Франция). М.: Проспект, 2022. С. 205-214.

² Добробаба М.Б. Использование цифровых технологий в образовательном процессе: проблемы и перспективы. В книге: Информационные технологии в гуманитарных и

Государственное управление *транспортными потоками* в современном мире невозможно без применения ИИ, что обусловлено высочайшей нагрузкой на транспортную сеть со стороны различных видов транспорта, требующих упорядочивания, снижения возможности возникновения аварий, повышения общественной безопасности. С помощью механизма ИИ осуществляется контроль и управление дорожным движением; распределение транспортных потоков.

Чрезвычайно востребован ИИ *в силовых структурах*, поскольку его применение позволяет полиции анализировать в городах видео с множества камер и разыскивать преступников; анализировать социальные сети, чтобы предотвращать возможные антигосударственные акции радикальных группировок; в МЧС России - управлять работой пожарных, предсказывать развитие пожара. В настоящее время с помощью системы распознавания лиц выявляют уклонистов¹.

Технологии ИИ дают *очевидные преимущества*, в частности, в предупреждении и расследовании преступлений и правонарушений, удобстве использования платежных и иных сервисов.

Однако широкое распространение такого рода технологий имеет и обратные стороны, которые, возможно, не столь очевидны, но не менее значимы. Все более актуальной становится *угроза нарушения прав граждан, связанная с распространением данных* при использовании информационных технологий².

общественных исследованиях: сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола с международным участием в рамках Саратовского международного юридического форума, посвященного 90-летию Саратовской государственной юридической академии. Саратов, 2021. С. 21-23.

¹ SHOT: уклонистов выявляют в Москве с помощью системы распознавания лиц [Электронный ресурс]. URL; <https://news.ru/world/v-turcii-gosbanki-perestali-obsluzhivat-karty-mir/> (дата обращения: 30.02.2022).

² Щитова А.А. Риски применения технологий искусственного интеллекта и пути их преодоления // В книге: Актуальные проблемы развития юридической науки в условиях правовой интеграции. Монография. К 90-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Под общей редакцией В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. Москва, 2021. С. 320-335.

Так, массовое развертывание технологий распознавания создает возможности постоянного наблюдения за каждым человеком. Ещё одним риском при массовом применении технологий распознавания в целях профилактики и расследования преступлений является их способность *подорвать презумпцию невиновности*, создав ситуацию, когда, в случае ошибочной идентификации, человек будет вынужден доказывать, что он не виновен.

Одним из направлений внедрения ИИ в государственное управление связано с подписанием Президентом РФ Указа от 25.04.2022 № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации»¹. На первый взгляд, внедрение ИИ в государственное управление должно способствовать упразднению «коррупционной составляющей» в системе государственной службы, всвязи с чем данную информационную систему, называют «суперсистемой», вместе с тем, с её применением возникает риск утечки данных о конкретных чиновниках².

Нивелирование указанной угрозы лежит в большей степени в технической и организационной сфере, и, следует предположить, что меры по защите информации в ГИС «Посейдон» разработаны и будут активно использоваться.

Что же касается правовой составляющей, то, с нашей точки зрения, учитывая значимость данной государственной информационной системы для целей публичного управления и существенный объем сведений, которые будут в ней содержаться, было бы целесообразно отнести ее к объектам

¹ Собрание законодательства РФ. 2022. № 18. Ст. 3053.

² См.: Евсиков К.С., Суворов А.А., Братчикова Л.Р. «Цифровая трансформация противодействия коррупции» // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 65-78; Добробаба М.Б., Чаннов С.Е. Применение цифровых технологий в целях противодействия совершению коррупционных правонарушений в системе государственной службы // Информационное право. 2022. № 3 (73). С. 25–29.

критической информационной инфраструктуры, что позволит автоматически распространить на нее требования Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»¹.

Важно учитывать, что, внедряя ИИ в государственное управление, необходимо создать правовые условия для применения систем ИИ при принятии юридически значимых решений.

Правовое регулирование применения технологий ИИ имеет две главных цели, обозначенных в «Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года»:

- 1) обеспечение возможности создания и применения технологий ИИ в различных сферах экономики;
- 2) соблюдение прав граждан и обеспечение безопасности личности, общества и государства.

Таким образом, с одной стороны, всё более широкое внедрение ИИ в государственное управление, предоставляет новые возможности в решении масштабных управленческих задач; с другой – использование новых цифровых технологий, в том числе технологий ИИ, создает и новые угрозы, в том числе, угрозу нарушения прав граждан², связанную с распространением данных информационных технологий, угрозу нарушения презумпции невиновности, угрозу коррупционной направленности. В частности, цифровые технологии могут быть использованы для совершения преступных деяний, таких как отмывание денег, мошенничество, киберпреступления, поэтому при применении технологий ИИ в системе государственной службы

¹ Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4736.

² Добробаба М.Б. Проблема нормативного обеспечения прав граждан в условиях развития искусственного интеллекта. В сборнике: Роль права в обеспечении благополучия человека: Сборник докладов XI Московской юридической недели: XX Международная научно-практическая конференция XXII Международная научно-практическая конференция Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. В 5 ч. М., 2022. С. 324-327.

требуется соблюдать баланс между регулированием и инновациями, не допустить нарушения прав человека, обеспечить решение этических проблем.

Проблемы применения ИИ в предпринимательской деятельности

Применение ИИ в отдельных видах экономической деятельности упоминается в различных нормативных правовых и иных актах:

- организация транспортной логистики (послание Президента России Федеральному Собранию от 01.03.2018¹);
- информационные и коммуникационные технологии с ИИ (Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203²);
- промышленный ИИ (Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642³);
- управление транспортными потоками искусственным интеллектом и бортовые системы (Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2021 № 3744-р⁴);
- информационно-аналитические системы мониторинга в АПК (постановление Правительства России от 25.08.2017 № 996⁵);
- автомобилестроение (Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2022 № 4261-р⁶);

¹ Российская газета. 2018. 2 марта.

² Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

³ Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 (ред. от 15.03.2021) «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6887; 2021. № 12. Ст. 1982.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2021 № 3744-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года // Собрание законодательства РФ. 2022. № 1 (ч. 4). Ст. 264.

⁵ Постановление Правительства РФ от 25.08.2017 N 996 (ред. от 13.05.2022) «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 36. Ст. 5421; 2022. № 21. Ст. 3450.

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2022 № 4261-р «Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации до 2035 года» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (ч. 3). Ст. 422.

– оборонно-промышленный комплекс (распоряжение Правительства России от 01.11.2013 № 2036-р¹) и другие.

Руководствуясь Федеральным законом от 31.12. 2014 № 488-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О промышленной политике в Российской Федерации»², перспективны такие сферы применения искусственного интеллекта, как машино- и судостроение, металлургия, электроэнергетика, нефтехимическая, легкая и медицинская промышленность.

Эффективно также внедрение ИИ в бизнес-образование, в том числе в виртуальные школы и университеты, электронные библиотеки. Направления прикладного использования ИИ: смарт-контракты (умные контракты), кибербезопасность (защита электронных баз данных, система противодействия взлому), умный дом и т.д. При этом распространение ИИ имеет серьезный недостаток – исчезают рабочие места, ряд профессий вскоре утратит актуальность.

В деятельности предприятий осуществляется *внедрение ИИ в электронный документооборот и в цифровизация бизнес-процессов*. Использование ИИ позволяет значительно ускорить поисковую составляющую системы электронного взаимодействия (далее – СЭД) за счет идентификации смыслового текстового значения: извлекать отдельные составляющие (адреса предприятий и учреждений, предмет документа и другие); выполнять операции, исполняемые работниками в текущий момент (классификация документов, формирование отчетов, рассмотрение резюме, контроль сроков исполнения документов). Так, компания Directum представила набор Ario - интеллектуальные сервисы, способные решать обыкновенные, рутинные операции без вмешательства сотрудников служб предприятий:

¹ Распоряжение Правительства РФ от 01.11.2013 № 2036-р (ред. от 18.10.2018) «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014 - 2020 годы и на перспективу до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 46. Ст. 5954.

² Собрание законодательства РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 41; 2023. № 31 (ч. 3). Ст. 5797.

- Directum RX - интеллектуальная система управления цифровыми процессами и документами;

- HR Pro - цифровизация кадровых процессов, документов и сервисов;

- Argo One - обработка информации из любых систем AI-сервисами.

Вместе с тем, несмотря на очевидную пользу внедрения ИИ в СЭД, можно выделить ряд *недостатков и сложностей* внедрения ИИ, например:

– использование машинного обучения (корректность практической работы «обученного» ИИ зависит от достоверности данных, на которых проводится обучение;

– ошибочная интерпретация информации;

– высокая сложность обработки исторических документов, рукописных документов, объемных документов;

. – правовая основа использования, ответственность при ошибках ИИ и др.

Проблема ответственности искусственного интеллекта

Интенсивное развитие информационных технологий сопровождается всё более широким использованием искусственного интеллекта в самых разнообразных сферах общественной жизни – от производственных процессов до государственного управления. Одним из направлений Стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года является создание комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта.

ИИ представляет собой моделируемую (искусственно воспроизводимую) интеллектуальную деятельность мышления человека¹. Являясь феноменом инженерной мысли, ИИ определяется как автоматическое программное управление, при котором алгоритмы не

¹ См.: ГОСТ Р 43.0.5-2009. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Процессы информационно-обменные в технической деятельности. Общие положения. Утвержден и введен в действие Приказом Ростехрегулирования от 15.12.2009 № 959-ст.

задаются оператором заранее, а создаются внутри системы самостоятельно на основе кодированных описаний различного вида целей, представлений о действиях и информационной базы о внешнем окружении¹.

Всё сильнее проникая в социальную жизнь, ИИ формирует новую реальность, связанную с цифровизацией производства и общественных процессов. Общественные отношения, связанные с использованием дронов, беспилотных поездов метро, беспилотных автомобилей, затрагивают интересы миллионов людей, что требует их детального правового регулирования, основанного на унифицированных подходах.

Вместе с тем, значительное отставание теории от научно-технического прогресса приводит к тому, что до сих пор остаются нерешёнными многие вопросы правового регулирования ИИ, связанные с его интеграцией в человеческое общество. Одним из таких вопросов на современном этапе развития цифровой экономики является вопрос о распределении ответственности за ущерб, который может быть причинён таким правовым явлением как ИИ.

Следует признать, что вопрос об ответственности занимает одно из определяющих мест в общей теории права и в отраслевых юридических науках. Объективно в праве всегда должна существовать реальная ответственность за совершённое противоправное деяние применительно ко всем субъектам права.

В последнее время актуализируется вопрос о возможности наделения объекта ИИ качествами субъекта права. Практическая потребность, которая подталкивает процесс цивилистической легитимизации признания юридической личности у высокоразвитой робототехники, связана, в первую очередь, с необходимостью решения проблемы юридической ответственности.

¹ Шестак В.А., Волеводз А.Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 2. С. 198.

Так, на практике вполне обоснованно возникают вопросы: кто должен нести ответственность в случае, если автомобиль с автономным управлением попадает в аварию; если ИИ, применяемый в медицинской деятельности, ставит неправильный диагноз; если кандидаты, чьи заявки отклонил алгоритм, подают на компанию в суд? Полагаем, до тех пор, пока ИИ не наделён статусом субъекта права, он не наделён и деликтоспособностью, соответственно ставить вопрос о несении им ответственности не представляется возможным.

В то же время решение вопроса о признании ИИ субъектом права в значительной степени зависит от степени его автономности, и здесь определяющим фактором является скорость развития цифровых технологий. Но вряд ли стоит ждать решения данного вопроса в ближайшее время. Не случайно в резолюции Европейского парламента 2017 г. упоминается о правосубъектности роботов только как о долгосрочной перспективе, относящейся исключительно к наиболее продвинутым и автономным роботам¹.

Кроме того, нет оснований говорить о необходимости признания ИИ субъектом права с позиции целей правового регулирования, направленность которого должна определяться получением экономически позитивного результата с точки зрения, как развития отрасли, так и защиты прав действующих субъектов.

ИИ является предметом гражданского и смежного с ним правового регулирования, а также в некоторой степени предметом регулирования административного права. Проблематика ответственности ИИ – объект исследования, прежде всего, учёных-цивилистов. Одновременно ведутся

¹ Civil Law Rules on Robotics. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) [Электронный ресурс] URL: <https://tinyurl.com/yazlkda5>.

научные изыскания, связанные с возможностью отнесения ИИ к субъекту уголовной ответственности¹.

Следует признать, что у истоков формирования понятия «искусственный интеллект» стояли западные учёные, и именно ими были предложены способы разрешения конфликтов с участием ИИ. Так, наиболее активно в западной литературе обсуждаются следующие ситуации с ИИ, нуждающиеся в разрешении:

1) неверное обслуживание и использование «элементов искусственного интеллекта», что приводит к ошибкам в должной осмотрительности;

2) аварийные ситуации, связанные с управлением «элементом искусственного интеллекта» транспортными средствами и организацией им дорожного движения в целом;

3) ошибки «отдельных интеллектуальных договорных систем» при заключении договоров;

4) сбои «в цепочках поставок, производства и розничной логистики»;

5) ошибки «элементов искусственного интеллекта» в деятельности строительных и коммунальных компаний;

6) конфликты «нескольких роботов, работающих друг с другом»;

7) ошибки в диагностике и проведении медицинских процедур и обслуживания, осуществляемых с использованием «элементов искусственного интеллекта»².

Что касается российской юридической науки, то специалистами активно обсуждается вопрос об урегулировании правового статуса ИИ. Так, юридической компанией Dentons в декабре 2016 г. разработана концепция

¹ См., например: Кибальник А.Г., Волосюк П.В. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2018. № 4 (44). С. 173–178.

² Kemp R. Legal Aspects of Artificial Intelligence. URL: <http://www.kempitlaw.com/wp-content/uploads/2016/11/Legal-Aspects-of-AI-Kemp-IT-Law-v1.0-Nov-2016-2.pdf> (дата обращения: 28.07.2018).

первого в России законопроекта о робототехнике¹, представляющей собой пакет поправок в ГК РФ, в соответствие с которым предлагалось наделить робота-агента правом участия в гражданском обороте. Ответственность же за действия робота-агента, по мнению разработчиков, должны нести его собственник и владелец. Несмотря на то, что законопроект не получил поддержку в Государственной Думе РФ, он задал новый импульс для активного обсуждения и решения данной проблемы.

В настоящее время в решении проблемы ответственности искусственного интеллекта выделяют несколько подходов²:

1) ответственность производителя (за качество товара) (*product liability*), поскольку роботы представляют собой в том числе товар.

Согласно данному подходу, предлагается исходить из утверждения, что поскольку за каждым действием робота стоит человек, именно он и несет ответственность за причиненный им вред. В случае если ущерб причинен из-за дефекта конструкции, ответственность должен нести производитель; если из-за сбоя в работе программного обеспечения – разработчик; если вследствие выполнения тех или иных команд – оператор или пользователь и т.д.³

Альтернативой может являться доктрина *respondeat superior*⁴ (лат. «пусть ответит старший»), согласно которой вышестоящий (работодатель, принципал) всегда отвечает за действия своего агента, работника или иного подконтрольного ему лица.

¹ Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6. С. 46-62.

² См.: Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170.

³ Баленко Е. Искусственный интеллект получит права и обязанности [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/11/26/5bf7dd5f9a7947b5a2f61ced>

⁴ *Respondeat superior* – лат. «пусть ответит старший».

2) определение правового статуса роботов с помощью использования юридической техники уподобления путём признания роботов «как бы субъектами права» (*квази-субъектами*)¹.

Подобный подход объясняется тем, роботы всё более наделяются функциями возрастающей сложности, ранее выполнявшимися человеком. На наш взгляд, данный подход является наиболее приемлемым. Однако, как справедливо утверждается в научной литературе, несмотря на методологическую обоснованность, данная концепция не может быть применена в ближайшей перспективе².

3) ограничение ответственности (*diminished responsibility*) в том смысле, что посредники в силу своей природы не всегда могут нести полную ответственность за свои действия, выполняемые по поручению;

4) применение мер юридической ответственности к юридическим лицам (*corporate punishment*), поскольку данный вопрос можно соотнести с общей проблематикой применения юридической ответственности к агентам, не являющимся людьми, к числу которых относятся и юридические лица.

Примечательно, что в отличие от физического лица, понятие юридического лица, включающее в себя широкий перечень субъектов, является весьма эластичным, что позволяет в перспективе предположить возможность признания юридической личности искусственного интеллекта в качестве особой разновидности юридических лиц.

Представляет интерес подход к решению вопроса об ответственности, обоснованный Г.А. Гаджиевым, в основе которого лежат как теория фикции юридического лица, так и общеправовое представление о лице как об искусственном понятии, специально конструирующем формального субъекта для целей юриспруденции. В частности автор предлагает: 1) соотносить

¹ Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Указ. соч. С. 45.

² Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта/ под ред. А.В. Незнамова). М.: Инфотропик Медиа, 2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

механизм формирования гражданско-правовой воли и динамику алгоритма, определяющего действия робота; 2) частично допускать возможность применения концепции признаков юридической ответственности к роботам; 3) адаптировать признаки юридического лица к роботам; 4) избирательно применять концепции вины к действиям, предполагающим создание и (или) программирование роботов¹.

Одной из возможностей решить проблему возмещения вреда роботом является введение обязательной системы регистрации роботов и обязательного страхования их ответственности. В то же время каких-либо серьёзных разработок, касающихся страхования ответственности в связи с распространением роботов, до настоящего времени не проводилось. Однако уже сейчас вносятся интересные предложения в данном направлении. Так, можно поддержать предложение о введении по аналогии с ОСАГО обязательного страхования гражданской ответственности производителей/пользователей роботов за вред, причиненный ими третьим лицам². Представляется, в перспективе можно рассмотреть вопрос о создании в рамках действующей системы страхования фонда компенсаций, средства которого могли бы использоваться для возмещения вреда, причиненного роботами.

Для того, чтобы решить вопрос об ответственности ИИ, необходимо наделить его статусом субъекта права. Однако, будучи предметом материального мира и обладая ценностью, в ближайшее время роботы будут рассматриваться исключительно в качестве объекта права согласно положениям ст. 128 ГК РФ об объектах гражданских прав, с возможностью их продажи или отчуждения иным образом с учетом особенностей оборота данных объектов гражданских прав, установленных законодательством (ст. 129 ГК РФ).

¹ См.: Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2008. № 1. С. 16–29.

² Лаптев В.А. Ответственность «будущего»: правовое пространство и вопрос оценки доказательств // Гражданское право. 2017. № 3. С. 33.

По аналогии со ст. 1079 ГК РФ ответственность за деятельность, связанную с применением ИИ, должны нести лица, использующие данный ИИ как объект повышенной опасности. Так, к источникам повышенной опасности можно отнести роботов, которые в силу своей конструкции и назначения могут причинить человеку вред, в том числе смертельный (медицинские и промышленные роботы, высокоавтоматизированные автомобили, отдельные виды беспилотных летательных аппаратов (дронов) и др.). Полагаем, нормативно должны быть закреплены критерии, определяющие условия, при которых роботы не являются источниками повышенной опасности (например, в силу своего размера или функционального назначения).

В юридической науке встречаются и иные предложения по вопросу о возможности привлечения к ответственности ИИ. Так, В.А. Лаптев предлагает рассматривать непрогнозируемые действия и решения ИИ в качестве обстоятельств непреодолимой силы, то есть вовсе исключающей ответственность, возложив в данных случаях бремя доказывания в суде данных обстоятельств на владельцев ИИ¹.

Следует учитывать, что деятельность ИИ может представлять общественную опасность и причинять вред общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. Так, отмечается, что ИИ способен реализовывать объективную сторону ряда преступлений², что позволяет ставить вопрос о возможности привлечения ИИ к уголовной ответственности. Рассуждая об этой проблеме, Г. Хэллеви писал, что ключевым в её решении является вопрос о наличии субъективной стороны правонарушения, которая отсутствует ввиду невозможности ИИ осознать

¹ Лаптев В.А. Указ. соч. С. 32–35.

² Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник СПбГУ. Право. 2019. Т. 10. Вып. 3. С. 461.

последствия своих вредных действий¹. По мнению Л.Б. Солэма, ИИ не обладает такими важными критериями человеческой индивидуальности как душа, самосознание, целеустремлённость, чувства, интересы. Вместе с тем, автор приводит аргументы в пользу обратного, утверждая, что если сознание является атрибутом интеллекта, а все «такие атрибуты являются продуктами процессов, происходящих в мозге, и если такие процессы могут быть смоделированы на компьютере, то, быть может, и сознание может быть воссоздано искусственным интеллектом»².

Несмотря на неоднозначность приведённых утверждений, полагаем, что ни один робот не способен быть субъектом карательных видов ответственности, поскольку смысл карательных наказаний заключается в лишении и ограничении прав правонарушителей, что должно вызывать определённые страдания правонарушителей. ИИ не может ни чувствовать, ни переживать, и, даже применив крайнюю меру – уничтожив робота, – мы так и не добьёмся цели наказаний.

Подводя итог, следует резюмировать, что активная социальная интеграция ИИ обуславливает необходимость правового регулирования его правовой ответственности. Однако данный вопрос не может быть решён до тех пор, пока ИИ не будет наделён статусом субъекта права. Наиболее приемлемым является признание роботов квази-субъектами права, однако для реализации данной концепции в настоящее время отсутствуют объективные основания. Представляется, что в ближайшей перспективе говорить о наделении ИИ таким юридическим качеством, как правосубъектность преждевременно, соответственно являясь только объектом права, ИИ не может рассматриваться в качестве субъекта права, что исключает его ответственность в случае причинения вреда.

¹ Hallevy G. Liability for Crimes Involving Artificial Intelligence Systems / G. Hallevy. - Dordrecht : Springer, 2015. - 262 p.

² Solum L.B. Legal Personhood for Artificial Intelligences// North Carolina Law Review. 1992. Vol. 70. № 4. С. 1262-1265.

Юридическую ответственность за работу ИИ несет собственник или владелец, задающий параметры его работы и управляющий его поведением, а также создатель искусственного интеллекта. Отсутствие у робота критериев человеческой индивидуальности не позволяет рассматривать ИИ в качестве субъекта карательных видов ответственности.

Проблемы защиты прав человека при использовании искусственного интеллекта

Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации¹, человек, его права и свободы являются высшей ценностью, их признание, соблюдение и защита – обязанность государства. В Основном законе Российской Федерации нашли закрепление: личные (ст. 20–29), политические (ст. 30–33) и социально-экономические права и свободы человека и гражданина (ст. 34–44).

Следует отметить, что права и свободы человека гарантируются не только российским, но и международным законодательством. Так, одним из важнейших достижений Организации Объединенных Наций (далее – ООН) является создание всеобъемлющего свода законов в области прав человека, основой которого являются Устав ООН² и Всеобщая декларация прав человека³, принятые Генеральной Ассамблеей в 1945 и 1948 годах соответственно. ООН определила широкий круг признаваемых на международном уровне прав, включая: гражданские, культурные, экономические, политические и социальные права; создала механизмы защиты этих прав и содействия государствам в выполнении взятых на себя обязательств.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

² Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956, с. 14–47.

³ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998. 10 дек.

Современный этап развития науки и информационных технологий обуславливает возможность использования технологий ИИ во многих сферах жизнедеятельности человека, что требует развития правового регулирования в данной области. В настоящее время можно выделить следующие области применения ИИ: научно-исследовательская деятельность, сельское хозяйство, физиология и биология, химия и фармацевтика, обеспечение безопасности дорожного движения, автономные средства передвижения, экология, умные вещи, художественное искусство, юридическая, в том числе правоохранительная деятельность¹.

Существует мнение, что нарушение прав человека при применении ИИ имеет место лишь в определённых сферах деятельности, однако такой подход может создать ложное чувство безопасности при взаимодействии человека с ИИ. Совершенно очевидно, что применение ИИ неуклонно будет неуклонно расширяться, а в перспективе такие возможности могут оказаться безграничными.

Вместе с тем, с очевидной пользой для динамично развивающегося общества, использование ИИ затрагивает в той или иной степени фундаментальные права и свободы человека. При этом, как отмечает П.И. Морхат, слишком глубокое проникновение ИИ в повседневную жизнь, необдуманное и некритичное его использование, могут негативно сказаться на соблюдении некоторых прав человека². Так, в практике Европейского суда по правам человека участились жалобы из европейских стран по факту нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод³.

В настоящее время на уровне международных организаций уделяется внимание совершенствованию правового регулирования в данной сфере, в частности, 28 апреля 2017 года были приняты Рекомендации Парламентской

¹ Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: монография. М.: Проспект, 2021. С. 30–33.

² Морхат П.М. Право и искусственный интеллект: научная монография/ предисл. И.А. Близначева и И.Ф. Понкина / под ред. И.В. Понкина. М.: Юрсервитут, 2021. С. 145.

³ См.: «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

ассамблеи Совета Европы № 2102 (2017) «Слияние с технологиями, искусственный интеллект и права человека»¹, в которых предложено разработать руководящие принципы, направленные на уважение в полной мере достоинства и прав человека всех его пользователей (п. 9.1.5).

Следует признать, что правовое регулирование достижений в области регулирования ИИ не поспевает за развитием новых технологий. На сегодняшний день в российском законодательстве ориентиры развития ИИ обозначены только в стратегических документах. Между тем, в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года защита прав и свобод человека обозначена в числе основных принципов развития и использования технологий ИИ. Данный принцип включает: обеспечение защиты гарантированных российским и международным законодательством прав и свобод человека, в том числе права на труд, и предоставление гражданам возможности получать знания и приобретать навыки для успешной адаптации к условиям цифровой экономики (п. 19). На защиту прав человека направлен и принцип безопасности, предполагающий защиту человека от умышленного причинения вреда в результате использования ИИ.

При развитии и использовании технологий ИИ необходимо понимать, насколько человечество готово пойти в делегировании полномочий по принятию важных решений ИИ, не рискуя умалением или даже ущемлением прав человека или даже посягательством на них. Для разработчиков ИИ должен доминировать вопрос недопущения стратегического преимущества искусственного разума над человеческим. Важно, чтобы реализация сверхума не вступала в противоречие с интересами людей, а, напротив, соответствовала общечеловеческим ценностям².

¹ Recommendation № 2102 (2017) of Parliamentary Assembly of the Council of Europe «Technological convergence, artificial intelligence and human rights» (дата обращения: 04.02.2021).

² См.: Бостром Н. Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии: пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. С. 186.

Так, в основу Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года положен человеко-ориентированный подход, в соответствии с которым достижение цели и задач регулирования отношений, складывающихся в связи с разработкой и применением систем ИИ и робототехники, должно осуществляться с учетом того, что конечной целью развития технологий ИИ и робототехники, направляемого посредством регуляторного воздействия, является обеспечение защиты гарантированных российским и международным законодательством прав и свобод человека и повышение благосостояния и качества жизни граждан¹.

В научной литературе при изучении рисков использования ИИ в контексте защиты прав человека выделяют три позиции: 1) использование ИИ как фактор, ставящий под угрозу реализацию прав человека надлежащим образом; 2) использование ИИ в целях повышения качества обеспечения защиты и соблюдения прав человека; 3) ИИ как субъект, наделённый правами, в определённой степени аналогичными человеческим². В рамках данного исследования представляется необходимым остановиться на первом аспекте, проанализировав, как ИИ может поставить под угрозу реализацию прав человека и выявить пути решения данной проблемы.

Развитие и применение технологий ИИ получило мощный импульс во время пандемии. ИИ стал широко применяться при разработке вакцин, при обеспечении контроля за исполнением режима самоизоляции и др. Так, применение отслеживающих приложений на телефоны граждан показало свою эффективность для сдерживания пандемии в ряде азиатских стран (Китай, Южная Корея, Сингапур, Тайвань), но обострило вопросы

¹ Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.

² См.: Морхат П.М. Указ. соч. С. 145.

соблюдения прав человека¹. Известны многочисленные жалобы пользователей социальных сетей на отсутствие прозрачности в работе приложения и неосведомлённости в объёме сведений, которое данное приложение хранит. Методы массового электронного наблюдения для сдерживания пандемии применял и Израиль².

В России использование технологий ИИ стало предметом оценки Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, который, в частности, отметил, что, несмотря на преимущества по сравнению с традиционными способами контроля, при использовании ИИ степень риска нарушения конституционных прав граждан несоизмеримо выше³.

Поскольку от алгоритмов, применяемых ИИ, способны пострадать фундаментальные права человека, нуждаются в детальной проработке и последующем нормативном регулировании такие права как: равенство, право на частную жизнь и защиту персональных данных, право на судебную защиту против решений, принятых алгоритмом и др.

Риск нарушения прав человека связан с обучаемостью нейронных сетей. Нейронные сети являются основой ИИ, при этом основным качеством нейронных сетей является их способность к адаптированному ситуационному обучению. Положительное значение факта обучаемости нейронных сетей заключается в накапливании ими опыта решения задач в условиях разнообразных ситуаций. Вместе с тем, у этого факта есть и недостаток, который заключается в низкой скорости обучения и необходимости загрузки большого объёма информации.

¹ См.: China's coronavirus health code apps raise concerns over privacy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/01/chinas-coronavirus-health-code-apps-raise-concerns-over-privacy> (дата обращения: 04.02.2021).

² Вирус шпиономании: Израиль начал электронную слежку из-за пандемии [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/989321/kirill-senin/virus-shpionomanii-izrail-nachal-elektronnuju-slezhku-iz-za-pandemii> (дата обращения: 04.02.2021).

³ Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по теме «Уроки эпидемии с точки зрения соблюдения прав и свобод человека и гражданина» [Электронный ресурс]. URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/687/> (дата обращения: 30.01.2021).

В связи с этим не исключены ошибки ИИ, которые могут поставить под угрозу права человека. Так, при использовании транспортных систем на основе ИИ существует риск совершения ошибки при распознавании объекта: например, автономное транспортное средство может не распознать пешехода в сумерках; принять небольшую яму на дороге за значительное препятствие, а незначительное изменение изображения, связанное, например, с наклейками на дорожных знаках, может привести к неправильному распознаванию объектов системами машинного зрения¹. Совершенно очевидно, что подобные ошибки могут привести к гибели людей или нанесению вреда здоровью. Такие примеры уже имеют место на практике².

Другой пример связан с использованием персональных данных для обучения искусственной нейронной сети, когда компания IBM использовала для этой цели миллионы фотографий, размещённых в социальных сетях без получения согласия пользователей сетей, при этом изображения были размещены под лицензией Creative Commons, что сделало возможным их использование для разработки новых технологий ИИ³.

Следует признать, что общаясь с представителем банка, телекоммуникационной компании или другой организации, человек не всегда понимает, с кем взаимодействует в приложении: с сотрудником организации или с чат-ботом.

Поскольку в подобных случаях человек является объектом обучения нейронных сетей, а от действий ИИ напрямую зависят права человека, переставляется необходимым нормативно урегулировать вопрос, связанный возможностью для граждан принимать обоснованное, не принуждаемое решение об условиях взаимодействия с системами, оснащёнными ИИ, с

¹ См.: Бахтеев Д.В. Указ. соч. С. 86.

² Меликян А. «Uber освободили от уголовной ответственности за гибель человека, сбитого беспилотником» // Интернет-журнал о бизнесе в России. 2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://secretmag.ru> (дата обращения: 19.03.2019).

³ Liao S. IBM didn't inform people when it used their Flickr photos for facial recognition training [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theverge.com/2019/3/12/18262646/ibm-didnt-inform-people-when-it-used-their-flickr-photos-for-facial-recognition-training> (дата обращения: 15.01.2021).

предварительным информированием их обо всех возможных преимуществах и последствиях такого взаимодействия. Таким образом, в основу использования ИИ должны быть положены принцип автономии воли при использовании систем, оснащённым ИИ, и принцип информационного согласия на использование (воздействие) систем, оснащённым ИИ¹.

В разрезе защиты прав граждан актуален вопрос о приоритете человеческого или искусственного разума при принятии решений в процессе осуществления правоприменительной деятельности.

В последнее время в научной литературе ведутся дискуссии о возможности замены искусственным интеллектом представителей разных профессий, труд которых связан с необходимостью обработки больших объемов информации и принятием сложных решений. Прежде всего, это касается юридической деятельности, для которой, в частности, создана программа IT Legal Tech, позволяющая избавиться от рутины и предоставляющая возможность высвободить свободные ресурсы.

Логично возникает вопрос: «насколько ИИ при осуществлении судебного разбирательства способен защитить права человека?»² Так, высказываются мнения, что существует возможность полностью автоматизировать судебную функцию. Пример подобного внедрения ИИ в судопроизводство имеется в Эстонии, где тестируют робота-судью, который выносит решения по простым категориям споров: истцу и ответчику достаточно загрузить все документы на сайт, и программа, проанализировав их, принимает решение³.

Введение ИИ в судебную систему обусловило необходимость утверждения Советом Европы регламента применения ИИ в правосудии. В

¹ Теория правового регулирования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники в Российской Федерации: монография / Г.Ф. Ручкина, М.В. Демченко, А.В. Попова [и др.]; / под ред. Г.Ф. Ручкиной. М.: Прометей, 2020. С. 143.

² Шабаева О.А. Право в условиях цифровой реальности: постановка проблемы // Сибирский юридический вестник. 2019. № 1. С. 18.

³ Костыра А. Робот-судья – уже не столь далекое будущее // Российская газета. 2019. 21 нояб.

числе провозглашённых принципов – соблюдение основных прав и свобод и законных интересов человека; отсутствие дискриминации при внедрении ИИ; качество и безопасность; прозрачность, открытость и честность; контроль со стороны пользователя¹.

Однако, одним из рисков при автоматизированном принятии решений, в основе которых лежит применение к конкретному лицу неких заданных критериев, является прямая угроза фундаментальным правам человека, которая содержится в потенциальной дискриминационности этих критериев.

Так, право на недискриминацию выводится из принципа равенства. Однако формальное юридическое равенство означает также возможность применения общей нормы к конкретному случаю с учетом индивидуальных обстоятельств. Алгоритм же беспристрастно обеспечивает равенство арифметическое. Более того, ИИ, обучаемый на основании реальных и неидеальных человеческих решений, может воспринять дискриминацию в качестве «нормального» элемента алгоритма. Как верно отмечает Э.В. Талапина, выявленные проблемы нуждаются в детальной проработке и последующем нормативном решении².

Приведём следующий пример, демонстрирующий стереотипность факторов, влияющий на алгоритм принятия решений ИИ. Так, в 2016 году искусственному интеллекту предложили выступить судьей на конкурсе красоты. Из 6000 фотографий конкурсанток из 100 стран ИИ выбрал 44 победительницы, из которых только одна оказалась темнокожей. Как выяснилось, в массиве данных, на которых обучался алгоритм, было слишком мало изображений темнокожих девушек. В итоге машина стала сильнее ассоциировать привлекательность со светлой кожей³.

¹ СЕ утвердил регламент применения искусственного интеллекта в правосудии [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/207390/> (дата обращения: 25.01.2021).

² Талапина Э.В. Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 25–39.

³ См.: Нейронные сети и уголовное право [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2019/6/8/nejronnye_seti_i_ugolovnoe_pravo (дата обращения: 04.02.2021).

Уголовные суды в США используют алгоритм COMPAS компании Northpointe, который предназначен для прогнозирования вероятности правонарушителя совершить еще одно преступление в будущем. В мае 2016 года известное американское издание «ProPublica» опубликовало исследование эффективности алгоритма в прогнозировании рецидивизма, содержащее данные о том, что темнокожие люди на 77% чаще прогнозируются для совершения насильственного преступления и на 45% чаще для совершения любого преступления. Как выяснилось позже, только 20% предсказанных людей совершили насильственное преступление¹.

Несомненно, внедрение ИИ в судопроизводство необходимо, как и в другие направления деятельности государства. Вместе с тем, важно выявить степень и возможности участия ИИ в отправлении правосудия. Как известно, правосудие традиционно осуществляется судьёй, которому присущи высокие моральные качества и высокая квалификация в области права, что следует из ст. 119 Конституции и ст. 11 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»². Соответственно, только судья-человек руководствуясь усмотрением, ценностями и иными субъективными установками (такими как интуиция, совесть и правосознание), может, рассмотрев дело и оценив совокупность представленных доказательств, вынести справедливое решение³.

Как справедливо отметил Секретарь Пленума Верховного Суда РФ В.В. Момотов, судья, оценивая доказательства, руководствуется и своим внутренним убеждением, что является гораздо более сложной категорией, чем программные алгоритмы. Одни и те же доказательства в одном деле могут быть отвергнуты, а в другом – приняты за основу. Кроме того, суд при

¹ Stanford Researchers Warn U.S. – Cops Already Using AI to Stop Crimes BEFORE They Happen URL: <http://thefreethoughtproject.com/pre-crime-cops-ai/> (дата обращения: 25.01.2021).

² Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1; 2018. № 31. Ст.4811.

³ Залоило М.В. Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. М.: Инфотропик Медиа, 2021. С. 76.

вынесении решения руководствуется целым рядом оценочных и ценностных критериев, закрепленных в законе, и понимание этих категорий формируется в процессах социализации, воспитания, становления личности – у программного алгоритма этого нет»¹.

Как справедливо отмечает В.В. Котлярова, ИИ как составляющая новых программных продуктов не сможет по своему внутреннему убеждению объективно, беспристрастно и полно оценивать доказательства, чтобы вынести справедливое решение, как это делает живой судья². Представляется, что с целью недопущения нарушения прав граждан, использование ИИ допустимо лишь при рассмотрении бесспорных требований, когда работа судьи носит технический характер, однако и в данном случае окончательное решение по делу должен принимать судья-человек.

Одновременно целесообразно задействовать ИИ в вопросах, требующих обработки большого количества информации и документов в электронном виде. В подобных случаях ИИ обеспечит процессуальную экономию и сроки рассмотрения судебного спора по существу посредством скорости и безошибочности совершения вычислений³. Так, российская юридическая компания «Право.ру» использует технологии ИИ, чтобы рассчитать временную продолжительность дела и судебного процесса.

Согласимся, что ИИ не должен быть единственной основой принятия решений, имеющих существенные правовые последствия и затрагивающих права человека. Согласно Рекомендациям Парламентской ассамблеи Совета Европы № 2102 (2017), технологии ИИ должны всегда оставаться под контролем человека (п. 9.3). Представляется необходимым нормативно

¹ Момотов рассказал, почему искусственный интеллект никогда не заменит судью [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/210547/> (дата обращения: 04.02.2021).

² Котлярова В.В. К вопросу о цифровизации процесса отправления правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 12. С. 49.

³ Андреев В.К., Лаптев В.А., Чуча С.Ю. Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров Вестник Санкт-Петербургского университета: Право. Том. 11. Вып. 1. 2020. С. 31.

закрепить, что *решения ИИ, затрагивающие права и свободы человека и гражданина может быть оспорены в установленном законом порядке.*

Поскольку разум человека при принятии решений будет всегда выше, чем разум искусственный, с целью недопущения нарушения прав и свобод граждан, представляется необходимым установить *презумпцию приоритета решений, принимаемых человеком над решением ИИ*, применяемую не только в судопроизводстве, но и в управленческой деятельности.

Наиболее актуальным в контексте исследуемой проблематики является проблема защиты одного из значимых прав человека – права на неприкосновенность частной жизни и конфиденциальность личной информации при использовании ИИ.

Следует отметить, что особенностью функционирования технологий ИИ является способность накапливать и задействовать крупные массивы данных, в которые входит и личная информация. Технологии ИИ позволяют осуществлять мониторинг, отслеживание и наблюдение за отдельными людьми или социальными группами, используя имеющиеся цифровые данные. В условиях массового сбора данных с использованием технологий ИИ право на конфиденциальность личных данных и право на неприкосновенность частной жизни подвергаются серьезным испытаниям.

Одним из направлений использования ИИ являются процессы использования цифровых данных граждан при осуществлении социального скоринга. В России скоринг используется в бизнесе, маркетинге и политологии. Так, в банковской сфере скоринг помогает оперативно принимать решения о кредитовании, регулировать объемы кредитования в зависимости от ситуации на рынке и определять оптимальное соотношение между доходностью кредитных операций и уровнем риска.

Проведение скоринговых проверок на основе открытых или добровольно предоставленных данных не только правомерно, но и необходимо. Вместе с тем, при проведении социального скоринга существует риск несанкционированного сбора персональных данных, вторжения в

частную жизнь гражданина. Негативными последствиями скоринга, помимо навязывания товаров и услуг, провоцирования антисоциальных наклонностей людей, по сути, может стать управление людьми при принятии ими решений.

В связи с этим, согласимся с мнением А.В. Минбалеева, о необходимости установить законодательный запрет на осуществление неофициального, скрытого использования социального скоринга, при этом одновременно следует ввести ответственность за нарушение этих требований и нарушение прав человека. Что касается официального использования социального скоринга государством или другими субъектами, то оно должно строиться на принципах: информирования о его проведении и использовании персональных данных граждан; получения согласия на социальный скоринг; обязательного уведомления человека о процедуре и результатах социального скоринга; установлении возможности корректировки данных и оспаривания результатов скоринга; недопустимость нарушения иных требований законодательства о персональных данных¹.

Наиболее конфиденциальной из личной информации является информация медицинского характера, потому возникает необходимость правового регулирования доступа к базе данных пациентов и установление ответственности за её неправомерное использование².

Нарушение права на неприкосновенность частной жизни и конфиденциальность личной информации не всегда является результатом неправомерных действий, а может быть побочным эффектом достижения целей, соответствующих интересам государства и общества. Так, важным инструментом борьбы с короновирусной инфекцией COVID-19 в России и во всём мире стала удалённая работа, что потребовало от работодателя обработать большой объём персональных данных своих работников.

¹ Минбалеев А.В. Проблемы социальной эффективности и защиты прав человека при использовании искусственного интеллекта в рамках социального скоринга // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2020. Т. 20. № 2, С. 99.

² Липчанская М.А., Заметина Т.В. Социальные права граждан в условиях использования искусственного интеллекта: правовые основы и пробелы законодательного регулирования в России // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 77.

Аналогичная ситуация сложилась и в образовательных организациях, где обработка персональных данных обучающихся потребовалась для организации учебного процесса в дистанционном формате. Как показывает практика, с увеличением масштабов собираемой и обрабатываемой информации возрастает риск нарушения прав человека на неприкосновенность частной жизни и конфиденциальность личной информации.

Представляется, что на современном этапе перед законодателем стоит задача обеспечить баланс двух групп прав человека: 1) права на защиту жизни и здоровья; 2) права на неприкосновенность частной жизни и конфиденциальность личной информации. Человеко-ориентированный подход, обозначенный в «Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года», требует от разработчиков программ, в основе которых лежит ИИ, изучить воздействие, которое предполагаемая обработка данных может оказать на права субъектов данных, а от операторов – предпринять меры по недопущению их нарушения.

С развитием технологий ИИ требуется создание более эффективных средств защиты права на неприкосновенность частной жизни и конфиденциальность личной информации. Составляющими права на неприкосновенность частной жизни должно стать нормативное закрепление следующих составляющих его прав:

- 1) право быть свободным от технологий ИИ, влияющих на развитие личности и мнения (осуществляющих манипулирование человеком);
- 2) право на свободу от наблюдения, предполагающее возможность не подвергаться психологическому измерению и анализу (профилированию);
- 3) право на конструктивный контакт с другими людьми, что означает, что все задачи, связанные с применением наказания в виде тюремного заключения, медицинский уход и уход за пожилыми людьми не должны полностью передаваться система ИИ. Так, в Резолюции Европарламента,

содержащей рекомендации Европейской комиссии в отношении норм гражданского права о робототехнике, специально подчёркивалось, что ИИ не должен заменять человека, а должен дополнять его возможности. Роботы по уходу за людьми не должны заменять человеческое общение, а обязаны выполнять рутинные задачи, быть ассистентами врачей¹.

В научной литературе формулируются многочисленные предложения, направленные на обеспечение защиты права на частную жизнь. Так, видятся разумными предложения М.А. Комлер по установлению в национальном законодательстве следующих минимальных стандартов защиты права на частную жизнь от массового вторжения в это право². К их числу следует отнести выработку на законодательном уровне строгих процедур для получения разрешения на сбор, использование, хранение получаемых данных; наличие органа, принимающего юридически обязательные решения по жалобам граждан на действия государственных органов по сбору и хранению персональных данных; усиление надзорных функций прокуратуры по соблюдению соответствующего законодательства.

Подводя итог анализу проблемы защиты прав человека при использовании ИИ, следует отметить, что при внесении поправок в Конституцию РФ не обозначен чёткий приоритет прав и свобод человека над квазисубъектами цифровых технологий, к которым относится ИИ³. Вместе с тем, разработка любых концептуальных документов и принятие фундаментальных решений в сфере цифровой экономики и ИИ требует нормативно-правового обеспечения прав и интересов граждан.

Как отметил Президент РФ, нельзя принимать решения и документы в сфере ИИ, в сфере цифровой экономики без создания необходимой

¹ Резолюция Европарламента от 16.02.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies (дата обращения: 01.02.2021).

² Ковлер А.И. Права человека в цифровую эпоху // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 6. С. 146–150.

³ Павликов С.Г. К вопросу об ограничении конституционных прав (на примере предпринимательской деятельности в сфере цифровых технологий) // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 54–55.

нормативной базы, связанной с обеспечением прав и интересов граждан. При этом важно обозначить те общественные отношения, в которых использование технологий ИИ недопустимо или допустимо с соблюдением строгого контроля за его деятельностью.

Важно осуществлять меры по повышению цифровой грамотности, развитию навыков информационной безопасности и цифровой гигиены граждан Российской Федерации.

На сегодняшний день Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека совместно с Правительством РФ был подготовлен *проект Концепции обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации*. Эта Концепция была подготовлена во исполнение подп. «г» п. 3 перечня поручений Президента РФ от 28 января 2021 г. № Пр-133 и представляет собой ответ на вызовы и угрозы правам и свободам личности, которые несут в себе процессы тотальной цифровизации общественных отношений.

Учитывая высокую сложность цифровой среды, непредсказуемость её развития, сверхбыстрое формирование цифрового пространства Российской Федерации, увеличивается разрыв между скоростью процессов цифровизации и скоростью осознания происходящих изменений со стороны общества, граждан, бизнеса, государственных структур. Это создает условия для расширения возможностей мошенничества, коррупции, иных преступных деяний в цифровой среде, а также для продвижения собственных экономических и политических интересов транснациональных корпораций, контролирующих глобальные цифровые платформы.

Конституция РФ и документы стратегического планирования Российской Федерации говорят о необходимости противостояния угрозам информационной безопасности государства, однако не конкретизируют эти угрозы, а также не устанавливают принципы, цели, задачи и механизмы обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации. Полагаем, предложенный проект

Концепции решает эти задачи и может послужить основой для дальнейшей реализации правовой политики российского государства в сфере цифровизации.

Проблема правового обеспечения защиты персональных данных при использовании технологий ИИ

Основой ИИ являются нейронные сети, главное качество которых проявляется в способности к адаптированному ситуационному обучению, поэтому процесс обучения ИИ требует загрузки большого объема информации. Обработка данных искусственным интеллектом имеет несомненные преимущества, в числе которых – осуществление данной процедуры без участия оператора данных, что препятствует их распространению; большие объемы обрабатываемых данных; непрерывный анализ конфиденциальности и параметров защиты и др.¹. Однако, несмотря на названные преимущества, это не позволяет в полной мере обеспечить защиту персональных данных граждан, что требует поиска путей решения данной проблемы.

На важность решения проблемы правового обеспечения защиты персональных данных при использовании технологий ИИ указывали многие учёные², об этом также свидетельствует разработанный крупнейшими ведущими компаниями России из Альянса в сфере ИИ «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта»³, одним из принципов применения которого является «Необходимость осознавать ответственность при создании и использовании искусственного интеллект». Так, в частности, применительно к персональным данным, данный принцип предполагает:

¹ Литвин И.И. Особенности сбора, обработки и защиты персональных данных искусственным интеллектом <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sbora-obrabotki-i-zaschity-personalnyh-dannyh-iskusstvennym-intellektom>

² Минбалеев А.В., Сторожакова Е.Э. Проблемы правовой охраны персональных данных в процессе использования нейронных сетей // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 71-79; Холодная Е.В. О перспективных направлениях правового регулирования в сфере технологии искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12 (64). С. 89-96 и др.

³ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. URL: <https://ethics.a-ai.ru>

– «2.2. *Ответственное отношение.* Акторы ИИ должны ответственно относиться к вопросам влияния СИИ на общество и граждан на каждом этапе жизненного цикла СИИ, включая неприкосновенность частной жизни, этическое, безопасное и ответственное использование персональных данных...»,

– «2.6. *Безопасность работы с данными.* Акторы ИИ должны соблюдать законодательство Российской Федерации в области персональных данных и охраняемых законом тайн при использовании СИИ; обеспечивать охрану и защиту персональных данных, обработка которых осуществляется СИИ или Акторами ИИ в целях разработки и совершенствования СИИ; разрабатывать и внедрять инновационные методы борьбы с несанкционированным доступом третьих лиц к персональным данным; использовать качественные и репрезентативные наборы данных, полученные без нарушения закона из надежных источников».

Следует отметить, что во многих европейских странах и в США приняты законы о защите персональных данных, обязывающие компании, желающие разрабатывать и внедрять системы, использующие персональных данных, осуществлять деятельность, применяя в качестве основополагающих такие принципы, как «транспарентность», «контроль со стороны пользователей» «проектируемая конфиденциальность» (privacy by design). Подобным законом является принятый в Калифорнии Закон о защите конфиденциальности данных потребителей (ССРА)¹.

В Российской Федерации действующее законодательство, направленное на реализацию права на обеспечение конфиденциальности и защиту персональных данных, не позволяет это делать беспрепятственно², в силу чего успешное внедрение новых цифровых технологий, основанных на

¹ "California Consumer Privacy Act (CCPA)," Page 1. "California Consumer Privacy Act (CCPA)," Page 1.

² Кирина А. Искусственный интеллект, контроль и судебные споры // Административное право. 2021. № 4. С. 39–42.

программах ИИ, требует установления особого правового режима¹. Одним из способов решения данной проблемы стало принятие Федерального закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"»². В соответствие с данным Законом, устанавливающим на время введения экспериментального правового режима ряд исключений из законодательства о персональных данных, создаётся правовая основа для разработки и внедрения технологий ИИ и последующего возможного использования его результатов.

Основой цифровой трансформации стало создание баз данных, полученных в результате *обезличивания персональных данных*» (п. 13.10 ст. 10 Закона № 123-ФЗ). Процедура обезличивания персональных данных в информационных системах, операторами которых являются государственные и муниципальные органы, регламентирована Приказом Роскомнадзора от 05.09.2013 № 996 «Об утверждении требований и методов по обезличиванию персональных данных», в соответствие с которым используются следующие методы обезличивания:

– *введение идентификаторов* – замена части сведений идентификаторами с созданием таблицы соответствия идентификаторов исходным данным;

– *изменение состава или семантики* персональных данных путем замены результатами статистической обработки, обобщения или удаления части сведений;

– *декомпозиция* – разбиение множества персональных данных на несколько частей с последующим отдельным хранением подмножеств;

¹ Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (LegalTech): учебник / под ред. А.В. Минбалева). М.: Проспект, 2022. - 368 с.

² СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

– *перемешивание* – перестановка отдельных записей, а так же групп записей в массиве персональных данных.

Однако в связи с развитием новых технологий, действующая процедура обезличивания персональных данных частично устарела, что обуславливает необходимость разработки новых методов и инструментов защиты персональных данных для применения в системах ИИ¹. Так, рабочей группой на базе Управления Роскомнадзора по ЦФО подготовлен проект нового приказа, дополнившего существующий перечень методов обезличивания методами, широко используемыми в зарубежной практике. К числу новых методов обезличивания персональных данных, применяемых при обучении ИИ, относятся: федеративное обучение; метод дифференцированной приватности; гомоморфное шифрование; метод децентрализации (**токинизации**); метод k-анонимности, метод l-разнообразия, метод t-близости.

Так, *федеративное обучение* (Machine Learning) – метод, разработанный Google, позволяющий обучать ИИ на нескольких децентрализованных периферийных устройствах или серверах, хранящих локальные выборки данных, без обмена ими. Поскольку при использовании данного метода не происходит совместного использования данных, это позволяет решать такие важные проблемы, как конфиденциальность и безопасность данных.

Дифференциальная приватность (добавление шума) – набор систем и рекомендаций, которые помогают обеспечить безопасность и конфиденциальность данных частных лиц. Она достигается с помощью ряда сложных методов, требующих добавления в базу данных рассчитанного количества шума (случайных данных). Например, в алгоритмах предложения слов и эмодзи от Apple компания создала систему, которая добавляет шум к тому, какие типы пользователей вводят, чтобы сохранить

¹ Добробаба М.Б. Понятие персональных данных: проблема правовой определённости // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 42–52.

конфиденциальность информации. Поскольку добавление случайных данных осуществляется контролируемым образом, данные являются достаточно точными.

Гомоморфное шифрование – форма шифрования, позволяющая выполнять математические действия над зашифрованными данными, и получать результат, который соответствует результату операций, выполняемых с открытыми данными¹. Такой способ защиты персональных данных всё шире применяется в медицине, что можно объяснить тем, что любое вмешательство в процесс передачи данных представляет опасность для пациента не только в связи с возможностью утечки, но особенно в случае их изменения. Ведь нельзя исключать вероятность, что в силу отсутствия данных об искажении статистики врач поставит неверный диагноз, а устройства персонализированной медицины подадут лекарства в дозе, способной нанести прямой вред здоровью пациента². При гомоморфном шифровании медицинских данных, последние передаются отдельными зашифрованными пакетами через независимые линии связи, а их объединение в зашифрованном виде происходит на медицинском сервере. Целостность и неизменный характер проверяются в медицинском учреждении лечащим врачом с помощью кода аутентификации сообщения, что блокирует доступ к информации другим медицинским работникам или хакерам.

Децентрализация (токенизация) – метод обеспечения безопасности ПД при их обработке (в том числе накоплении, хранении, передаче) в распределенном реестре, основанном на технологии блокчейн³. Применение

¹ Астахова Л.В., Султанов Д.Р., Ашихмин Н.А. Защита облачной базы персональных данных с использованием гомоморфного шифрования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника. 2016. № 16. С. 52.

² Гомоморфное шифрование медицинских данных [Электронный ресурс]. URL: https://issek.hse.ru/data/2016/01/22/1137915379/Трендлеттер_ИКТ_ИБ.pdf

³ Козин И.С. Метод обеспечения безопасной обработки персональных данных на основе применения технологии блокчейн // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2019. Т. 19. № 5. С. 892.

предложенного подхода к созданию распределенной информационной системы позволит обеспечить повышение доступности, целостности и конфиденциальности данных за счет децентрализованной обработки, а также применения хорошо изученных методов криптографической защиты.

Следует иметь в виду, что обезличивание персональных данных выступает *методом снижения, но не устранения рисков нарушения прав граждан* при обработке персональных данных, например, при их утечке. При этом для использования данных требуется принятие определенных правил, методов и стандартов, выработки четких критериев «обезличенности».

Для обучения ИИ нужны более широкие русскоязычные дата-сеты для машинного обучения, имеющие не только вариативную, но и сбалансированную выборку данных, которые, с одной стороны, будут соблюдать баланс, не нарушать права субъектов персональных данных, с другой - предоставлять максимально полные данные для развития технологий ИИ¹.

Обработка персональных данных в любом случае сопряжена с потенциальными рисками для субъектов, важно эти риски минимизировать. Для решения данной проблемы в научной литературе предлагается использовать ИИ для защиты персональных данных. В числе направлений такого использования²:

- анализ искусственным интеллектом системы безопасности на предмет её уязвимости;
- формирование банка данных об уязвимостях и обучаться знаниям о них из других баз данных;
- автоматизированное устранение выявленных угроз;

¹ Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (LegalTech) Минбалеев А.В., Полякова Т.А., Добробаба М.Б., Чубукова С.Г., Пальянова Н.В., Мартынова Т.Л., Сушкова О.В., Холодная Е.В., Грищенко Г.А., Суворов А.А., Евсиков К.С., Химченко А.И., Шельменков В.Н., Щитова А.А., Комин А.В., Андреасян А.А., Соловкин С.В: учебник. М.: Проспект, 2023.- 368 с.

² См.: Литвин И.И. Особенности сбора, обработки и защиты персональных данных искусственным интеллектом // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 4. С. 116.

– реагирование на кибератаки.

Вместе с тем, очевидно, что столь широкие возможности ИИ позволяют использовать его не только для обеспечения безопасности и нивелирования возможных угроз, но и в противоправных целях – чтобы получить доступ к базам данных, содержащих персональные данные¹.

В числе поручений Президента РФ Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, направленных на защиту персональных данных при использовании технологий ИИ – ускорение рассмотрения проекта федерального закона, устанавливающего порядок обезличивания персональных данных (в срок до 15 июля 2023 года)².

Совершенно очевидно, что решить проблему защиты персональных данных при использовании технологий ИИ только лишь посредством нормативного государственного регулирования вряд ли удастся. Требуется разработка отраслевых стандартов и локальных актов по работе с обезличенными данными, что позволит повысить внутреннюю цифровую культуру компаний, работающих с такими данными, а также увеличить уровень доверия граждан³.

¹ Добрабаба М.Б. Искусственный интеллект в государственном управлении: новые возможности и новые угрозы // В сборнике: Государство и право России в современном мире: сборник докладов XII Московской юридической недели: в 5 ч. Ч. 2. – М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 263-267.

² См.: п. 12 Перечня поручений по итогам конференции "Путешествие в мир искусственного интеллекта", утв. Президентом РФ 29.01.2023 № Пр-172. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

³ Сазонова М. Обезличивание данных: сохранение баланса между правами граждан и развитием инноваций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/news/1464529/>

3. Проблемы моделирования Закона об искусственном интеллекте

Нормативное правовое регулирование отношений в сфере искусственного интеллекта (далее – ИИ) в последние два года становится новой концепцией для значительного количества передовых государств мира, что «не является ни универсальным, ни инклюзивным»¹. Сегодня всем становится понятно, что конструктивная и негативная роль ИИ требует не просто регулирования отдельных аспектов и сфер использования ИИ в том или ином секторе экономики или социальной сферы, но требует общих требований к использованию ИИ, в том числе понятийного аппарата, принципов, очерчивания круга субъектов и связанных с ИИ объектов, а также системного регулирования запретов и ограничений при создании и использовании ИИ.

Многие инициативы по регулированию ИИ были мотивированы опасениями по поводу потенциальных злоупотреблений или непредвиденных последствий использования ИИ, а также в связи с определённым разочарованием в действенности подхода приоритета этического регулирования ИИ. Создание многочисленных систем на основе ИИ, которые могут принимать решения без необходимости использования человеческого интеллекта, уже способствует новой машинной революции и максимально быстро стимулирует инновации как в бизнесе, так и в системе государственного управления. В то же время последствия использования ИИ становятся все чаще непредсказуемыми, что требует превентивных законодательных мер по обеспечению и защите прав и свобод граждан, а также обеспечению безопасности общества и государства.

Принятие отдельного закона об ИИ стимулируется как отдельными законодательными инициативами, так и формирующимися политиками и актами в региональных сообществах и объединениях. Так, в январе 2021 года был принят Закон о национальной инициативе в области искусственного

¹ *Gülen K.* Round Table: Will there be a global consensus over AI regulation? URL: <https://dataconomy.com/2022/10/24/artificial-intelligence-laws-and-regulations/> дата обращения: 20.07.2023 г.).

интеллекта (U.S.AI Act), который был создан, чтобы обеспечить «всеобъемлющую основу для укрепления и координации исследований, разработок, демонстраций и образовательной деятельности в области ИИ во всех министерствах и агентствах США. В соответствии с Законом Соединенных Штатов об искусственном интеллекте были созданы отделения и целевые группы для реализации национальной стратегии в области ИИ с участием различных федеральных агентств. К ним относятся Федеральная торговая комиссия (FTC), Министерство обороны, Министерство сельского хозяйства, Министерство образования и Министерство здравоохранения и социальных служб»¹.

На уровне ЕС активно разрабатывается европейский закон об ИИ – первый всеобъемлющий закон об ИИ². 11 мая 2023 года «Европейским парламентом принят компромиссный текст Закона об ИИ на стадии комитета, что еще на один шаг приблизило этот закон к завершению. Компромиссный текст (парламентский проект), который вносит поправки в первоначальное предложение Комиссии, включает в себя довольно большое количество поправок, некоторые из которых, скорее всего, не войдут в окончательный вариант после переговоров по трилогу. Парламентский проект изменяет определение искусственного интеллекта таким образом, что теперь он определяется как «машинная система, которая предназначена для работы с различными уровнями автономии и которая может для явных или неявных целей генерировать результаты, такие как прогнозы, рекомендации или решения, которые влияют на физическую или виртуальную среду». Это более близко согласуется с определением ИИ Европейского совета, чем первоначальное определение Комиссии, которое было подвергнуто критике за чрезмерно широкое распространение. Парламентский проект уточнил и

¹ Artificial Intelligence Regulation: What Laws Do Countries Apply to This Tech? URL: <https://pixelplex.io/blog/artificial-intelligence-regulation/> (дата обращения: 20.07.2023 г.).

² Laying down harmonised rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union legislative acts .URL: <https://artificialintelligenceact.eu/the-act/> (дата обращения: 20.07.2023 г.).

расширил список запрещенных ИИ, включив в него системы биометрической категоризации на основе ИИ, которые классифицируют людей в соответствии с конфиденциальными или защищенными атрибутами, определенные виды использования систем распознавания эмоций на основе ИИ и системы ИИ, которые создают или расширяют базы данных изображений лиц путем извлечения изображений из Интернета. Парламентский проект также вводит общие принципы, для соблюдения которых операторы всех систем ИИ должны приложить все усилия, включая техническую надежность, прозрачность, недискриминацию и справедливость, а также конфиденциальность и управление данными. Проект Совета оставил большую часть обязательств по соблюдению за поставщиками, поэтому это может привести к значительному повышению ответственности за развертывание (например, в отношении использования приложений для найма с поддержкой ИИ). Парламентский проект немного изменяет финансовые штрафы за несоблюдение, увеличивая самый высокий штраф до 40 000 000 евро или 7% от мирового годового оборота, а также увеличивая и сокращая объем других пороговых значений штрафов»¹.

Многие национальные правительства уже установили законы и правила об искусственном интеллекте, о том как данные должны и не должны использоваться и собираться с использованием ИИ. Обсуждая регулирование ИИ и то, как оно должно быть реализовано, правительства часто сотрудничают с крупными корпорациями.

По крайней мере, уже более 60 стран приняли законы и правила об искусственном интеллекте с 2017 года, что почти соответствует темпам внедрения нового ИИ. Опасения по поводу надвигающихся препятствий на пути международного сотрудничества возникают в связи с ростом управления ИИ. То есть; любое новое законодательство окажет значительное

¹ *White L., Evans M.* The AI Act – A step closer to the first law on Artificial Intelligence. URL: <https://www.dataprotectionreport.com/2023/05/the-ai-act-a-step-closer-to-the-first-law-on-artificial-intelligence/> (дата обращения: 20.07.2023 г.).

влияние на мировые рынки из-за растущей распространенности ИИ как в физических продуктах, так и в онлайн-сервисах.

Одним из основных наиболее обсуждаемых законов является закон об искусственном интеллекте. Сегодня достаточно много обсуждают необходимость принятия такого закона, но, к сожалению, пока реальной структуры и содержания закона учеными предложено не было, за исключением модельных актов. Оформление и проявление на практике ряда рисков и угроз, исходящих от искусственного интеллекта, обуславливает значимость разработки и принятия специального законодательства об искусственном интеллекте, в основе которого должен быть базовый федеральный закон об искусственном интеллекте. Соответствующая задача уже поставлена в Российской Федерации на правительственном уровне¹.

Принятие такого закона целесообразно по ряду причин:

1. Необходимость обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина в связи с созданием и использованием ИИ. Имеющаяся сегодня практика формирования алгоритмов и онтологий искусственного интеллекта позволяет весьма дискретно подходить к вопросам соблюдения практически любых прав и свобод человека и гражданина. Использование искусственного интеллекта в целях обеспечения национальной безопасности, а также в других целях требует установления возможного набора ограничений прав и свобод в связи с соответствующим этим целям его использованием, что возможно только на законодательном уровне.

2. Необходима унификация и формирование единого понятийного аппарата, отражающего природу искусственного интеллекта, а также отдельных технологий, связанных с ним (нейронные сети, онтологии данных, алгоритм искусственного интеллекта и др.).

3. Усиление международной конкуренции за мировое лидерство в сфере развития искусственного интеллекта и технологического лидерства в

¹ Правительство разработает закон об искусственном интеллекте. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/649b950c9a794732a27a407b?ysclid=lkzlf1l0bo51299886> (дата обращения: 20.07.2023).

целом также свидетельствует о значении обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации в части отечественных разработок в данной сфере, в том числе отечественных баз данных для обучения нейронных сетей.

4. Активное внедрение искусственного интеллекта во все сферы жизнедеятельности общества, в промышленности, а также в сфере государственного управления; стимулирование государством такого внедрения и использования требует от него фиксации единых правил, которые бы создавали законную основу для развития данного направления. К сожалению, сегодня требования к использованию технологий искусственного интеллекта не носят системного характера, являются фрагментарными и создаются в большей степени ad hoc. В связи с этим необходима разработка и принятие не только базового закона об искусственном интеллекте, но и других специальных нормативных правовых актов, в том числе регулирующих использование данных технологий в той или отрасли (сфере), включая беспилотные транспортные системы, генеративный искусственный интеллект, а также касающихся вопросов интеллектуальной собственности, маркировки результатов искусственного интеллекта (особенно важно в отношении генеративного искусственного интеллекта) и комплексных мер государственной поддержки и др.

5. Активно развивающийся опыт регулирования ИИ за рубежом, о чем мы говорили ранее.

Имеются аргументы и против закона об ИИ.

1. Так, еще очень распространено мнение, что в качестве альтернативы правовому регулированию ИИ более эффективным является этическое регулирование в данной сфере, позволяющую определить векторы правового регулирования.

2. Многие производители технологий и акторы, их внедряющие, опасаются, что законодательное регулирование будет направлено на введение дополнительных барьеров, которые могут негативно сказаться на

динамичном характере технологического роста, что представляет определенные риски как с позиции более конкретного определения того, что государство понимает под искусственным интеллектом.

3. Введение ряда ограничений и запретов в части формирования и контроля за алгоритмами и онтологиями может привести потенциально к нарушению прав значительного количества граждан.

4. Определённые сложности связаны с многообразием уже имеющихся сегодня технологий искусственного интеллекта, а также продолжения развития данной тенденции. В связи с этим для правового регулирования определенные сложности имеет вопрос относительно технологической нейтральности. Так, возникает вопрос: «Регулировать только «слабый» искусственный интеллект или уже есть необходимость специальных законодательных запретов и ограничений в отношении «сильного» искусственного интеллекта»?

5. Сегодня можно выделить целую систему рисков, связанных с созданием и различными способами использования искусственного интеллекта. Возникают вопросы и относительно приоритетности рисков, с учетом появления новых, которое потребует постоянного внесения изменений в нормативные правовые акты.

6. В обществе к развитию и применению технологий искусственного интеллекта относятся с определенной мерой недоверия, продолжает существовать алармизм, связанный как показывают социологические исследования с низким уровнем правосознания в обществе в этой части. Многие усматривают в развитии регулирования искусственного интеллекта попытки государством его официального внедрения и использования против граждан.

Нормативное правовое регулирование использования ИИ сегодня оказывает воздействие не только на отдельных граждан и организации, как это было всего несколько лет назад, но влияют уже на общество в больших масштабах, а также на государство и мировую политику. В связи с этим

важность данных общественных отношений возрастает с геометрической прогрессией, что требует скорейшего вмешательства государства в эти процессы. Мировые тенденции в этом вопросе свидетельствуют о сложности и неоднозначности подходов в регулировании использования ИИ, но сегодня мы уже можем говорить об определённых закономерностях регулирования, а также возникающих рисках и угрозах. Пока неясно и то, как должен осуществляться контроль в сфере ИИ, как должен выстраиваться баланс между свободой технического развития и государственными ограничениями в этой сфере, как должен быть организован мониторинг развития ИИ, а также множество других вопросов, требующих скорейшего решения на законодательном уровне.

Важным вопросом, вызывающим множество дискуссии в юридическом сообществе, является определение субъектов в сфере искусственного интеллекта¹. Так, в Кодексе этики в сфере искусственного интеллекта используется категория «актор искусственного интеллекта», которой охватывается весь круг субъектов, связанных с искусственным интеллектом, в том числе «разработчики, создающие, обучающие, тестирующие модели/системы искусственного интеллекта и разрабатывающие, реализующие такие модели/системы, программные и/или аппаратные комплексы; заказчики (лицо или организация), получающие продукт или услугу; поставщики данных и лица, осуществляющие формирование наборов данных для применения их в системах искусственного интеллекта; эксперты, осуществляющие измерение и/или оценку параметров разработанных моделей/систем; изготовители, осуществляющие производство систем; эксплуатанты систем, на законном основании владеющие соответствующими системами, использующие их по назначению и непосредственно

¹ См.: Чубукова С. Г. Системы субъектов информационного права: направления цифровой трансформации // Вестник Московского университета. Серия 26: Государственный аудит. 2019. № 3. С. 17-27; Чубукова С. Г. Теоретические проблемы системы субъектов информационного права Право и государство: теория и практика. 2018. № 12(168). С. 101-105.

реализующие решение прикладных задач с использованием систем; операторы (лицо или организация), осуществляющие работу систем искусственного интеллекта; лица, принимающие участие в регуляторном воздействии на сферу искусственного интеллекта, в том числе разработчики нормативно-технических документов, руководств, различных регуляторных положений, требований и стандартов в области искусственного интеллекта; иные лица, действия которых потенциально могут повлиять на результаты действий систем или лиц, принимающих решения с использованием систем искусственного интеллекта»¹. В связи с этим возникает вопрос о возможности его использования в законе, что позволяет сделать вывод, что используемая в этическом регулировании категория «актор искусственного интеллекта» не может быть использована на законодательном уровне, поскольку слишком широко размывает предметные сферы деятельности ряда значимых субъектов в сфере искусственного интеллекта. Вопрос об определении в указанном законопроекте субъектов требует специальных научных исследований. Представляется, что в качестве субъектов в предлагаемом законопроекте целесообразно указать следующих субъектов: разработчика системы искусственного интеллекта, ее владельца, пользователя, поставщика. Вместе с тем специально должен быть определён орган государственной власти, уполномоченный осуществлять контроль в сфере создания и использования искусственного интеллекта. Введение других субъектов возможно через подзаконные нормативные правовые акты при необходимости введения специальных режимов. Возникает отдельный и вероятно один из наиболее сложных вопросов о возможности специального законодательного закрепления самого искусственного интеллекта

¹ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2023/05/12/%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8_20_10_1.pdf (дата обращения; 20.05.2023 г.).

(электронного лица, робота, киберфизического лица) в качестве субъекта правовых отношений¹.

Сегодня достаточно много обсуждают необходимость принятия такого закона, но, к сожалению, пока реальной структуры и содержания закона учеными предложено не было, за исключением модельных актов. Оформление и проявление на практике ряда рисков и угроз, исходящих от искусственного интеллекта, обуславливает значимость разработки и принятия специального законодательства об искусственном интеллекте, в основе которого должен быть базовый федеральный закон об искусственном интеллекте. Соответствующая задача уже поставлена в Российской Федерации на правительственном уровне².

На наш взгляд, в данном законопроекте должны найти отражение предмет действия этого закона, понятийный аппарат, принципы, правила и порядок территориального действия закона, в том числе возможности экстерриториального характера его действия, система субъектов, технологий искусственного интеллекта, ограничений, запретов и специальных требований, положения об ответственности, мер государственной поддержки и развития, международного сотрудничества в сфере искусственного интеллекта. Вопрос об определении роли этического регулирования, связи правового и этического регулирования, а также возможности использования иных регуляторов, в том числе саморегулирования в сфере искусственного интеллекта заслуживает внимания и научных исследований. Полагаем, что это особенно актуально в связи с широким спектром развития отдельных технологий искусственного интеллекта и невозможностью на государственном уровне учитывать стремительное развитие технологий.

¹ Чубукова С. Г. Квасисубъекты в киберправе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2(102). С. 53-61.

² Правительство разработает закон об искусственном интеллекте. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/649b950c9a794732a27a407b?ysclid=lkzlfll0bo51299886> (дата обращения: 20.07.2023).

Отдельный вопрос возникает относительно требований, запретов и ограничений, которые целесообразно отразить в указанном законе. Кроме того, полагаем также, что в нем обязательно должна быть закреплена система сфер, в которых использование искусственного интеллекта должно подвергаться специальному регулированию и в отношении которых вводятся следующие режимы: режим полного запрета использования; режим ограниченного использования со специальным регулированием в части фиксации конкретных ограничений; использование в рамках экспериментального правового режима; режим специального использования (*sui generis*), предполагающего возможности применения искусственного интеллекта по конкретному случаю или в связи со специальным разрешением; режим использования искусственного интеллекта в критической информационной инфраструктуре; режим свободного использования. Также должны быть установлены базовые требования, связанные со стандартизацией, сертификацией, а также оценкой соответствия систем искусственного интеллекта. Отдельного внимания заслуживает группа ограничений и запретов, связанных с алгоритмами в части недопустимости дискриминационного и иного незаконного использования искусственного интеллекта, а также особых требований о защите несовершеннолетних и иных социально незащищенных граждан в процессе использования искусственного интеллекта¹.

4. Оценка правовых рисков проектов цифровой трансформации на основе технологий искусственного интеллекта

Внедрение цифровых технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта во все сферы общественных отношений (цифровизация) и основанная на этой цифровая трансформация несут

¹ Минбалеев А. В. Понятие "искусственный интеллект" в праве // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2022. Т. 32, № 6. С. 1094-1099.

определенные риски для прав и законных интересов государства, общества и личности. В этих условиях необходимо выработать методический подход к оценке правовых рисков проектов цифровой трансформации на основе технологий искусственного интеллекта и обеспечить его нормативную институционализацию. На основе проведенного анализа обоснован комплекс рекомендаций, направленных на формирование методического подхода к оценке правовых рисков проектов цифровой трансформации на основе технологий искусственного интеллекта и нормативной институционализации соответствующей методики.

В условиях повсеместного внедрения цифровых технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта, возникают объективные риски и угрозы для прав и законных интересов всех субъектов общественных отношений – личности, общества и государства.

В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, утв. указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203, указано на необходимость «проводить непрерывный мониторинг и анализ угроз, возникающих в связи с внедрением новых информационных технологий, для своевременного реагирования на них». Аналогичное положение содержится и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утв. указом Президента РФ от 02.07.2021 N 400, - «быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается повышением вероятности возникновения угроз безопасности граждан, общества и государства».

Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утв. указом Президента РФ от 10.10.2019 N 490, относит к числу основным принципов минимизацию рисков возникновения негативных последствий использования технологий искусственного интеллекта (п. 19), предусматривая, в том числе и прогнозирование таких рисков (п. 21).

В этой связи объективной является потребность в нормативном определении и практической реализации механизма прогнозирования, выявления и противодействия таким угрозам.

Однако если угрозы информационной безопасности, к которым можно отнести упоминаемые в вышеуказанных положениях стратегических документов, носит в значительной мере внешний по отношению к личности, обществу и государству характер, то в рамках цифровой трансформации, которая определена в качестве одной из национальных целей развития нашей страны в соответствии с указом Президента РФ от 21.07.2020 N 474, возникают риски цифровой трансформации, в том числе правовые. Такие риски, в отличие от объективных внешних угроз, во многом связаны с деятельностью самих субъектов государственного управления, которые формируют и реализуют стратегии, программы и проекты цифровой трансформации, в том числе предусматривающие внедрение технологий искусственного интеллекта, в отношении отдельных ведомств, отраслей и регионов РФ. При этом, например, Перечень поручений по итогам конференции "Путешествие в мир искусственного интеллекта, утв. Президентом РФ 29.01.2023 N Пр-172, предусматривает внесение в национальные проекты и государственные программы Российской Федерации изменений, предусматривающих внедрение технологий искусственного интеллекта в каждой отрасли экономики и социальной сферы, в связи с чем будет возрастать как количество мероприятий по созданию, внедрению и применению технологий искусственного интеллекта в рамках программ и проектов цифровой трансформации, так и соответствующие риски.

Данные процессы в целом тоже имеют объективную природу – по верному замечанию Ю.А. Тихомирова, «прогнозирование и принятие решений сопровождается рисками в правовой сфере»¹. В отдельных

¹ Тихомиров Ю.А. Право: традиции и новые повороты. М., 2021. С. 93.

исследованиях рассматриваются вопросы конфликта права и цифровых технологий¹.

При этом следует учитывать, что в настоящее время в юридической науке в целом, и в информационном права в частности, не сложилось системного понимания природы, содержания и механизмов управления (в том числе оценки) правовых рисков.

В научных исследованиях рассматриваются пределы и риски цифровой трансформации², вопросы рисков цифровой трансформации общества³, государственного управления⁴, медиа⁵, бизнеса⁶, финансовой системы⁷, риски обращения цифровых валют⁸, этические⁹ и гуманитарные¹⁰ риски, в

¹ Амелин Р.В. Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М.: Норма, 2023. С. 32-35.

² Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г., Посашков С.А. Пределы и риски цифровой трансформации // Цифровая трансформация. 2020. № 2. С. 51-57.

³ Санакоева Я.И., Моргоева А.Д., Моргоев И.Д. Человек в цифровой трансформации общества: вызовы и риски // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11. № 2А. С. 170-177; Фурман М.В. Риски цифровой трансформации российского общества // Новая экономика, бизнес и общество. Материалы Апрельской научно-практической конференции молодых учёных. Отв. редакторы В.В. Глотова, К.И. Феоктистова. Владивосток, 2021. С. 843-850.

⁴ Гурьева Т.Н., Шарабаева Л.Ю. Перспективы и риски цифровой трансформации в государственном управлении // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2022. Т. 13. № 1 (53). С. 57-62; Карпикова А.С. Риски и проблемы государственного управления в условиях цифровой трансформации // Управление и цифровизация: национальное и региональное измерение. Сборник статей национальной научно-практической конференции с международным участием. Брянск, 2021. С. 30-33.

⁵ Калинин А.А. Вызовы и риски цифровой трансформации медиа // II Моисеевские чтения: культура как фактор национальной безопасности России. Доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции. Под редакцией А.В. Костиной, В.А. Лукова. 2019. С. 356-365.

⁶ Меняйло Г.В. Риски цифровой трансформации бизнеса // Современная экономика: проблемы и решения. 2020. № 3 (123). С. 110-120.

⁷ Демидова С.Е. Риски финансовой системы в условиях цифровой трансформации экономики // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. № 2 (41). С. 5-14.

⁸ Хоминич И.П., Пискарев Д.М. О рисках регулирования обращения цифровой валюты и ICO // Финансы, деньги, инвестиции. 2020. № 1 (73). С. 16-22.

⁹ Валеева Г.В. Этические риски цифровой трансформации высшего образования // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 11. С. 2343-2347.

¹⁰ Титаренко Л.Г. Гуманитарные риски цифровой трансформации как угроза национальной безопасности Беларуси // Современный мир и национальные интересы Республики Беларусь. Материалы международной научной конференции. Редколлегия: Е.А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2021. С. 355-360.

том числе при обработке данных¹. Значительное число исследований рассматривает вопросы искусственного интеллекта², роли права в его использовании³.

Вместе с тем, указанные исследования, как правило, не охватывают проблемы прогнозирования, выявления, оценки и управления правовыми рисками цифровой трансформации при осуществлении стратегического планирования и нормативного правового регулирования в сфере цифровой трансформации. Лишь в отдельных исследованиях рассматриваются вопросы рисков при выявлении и снятии правовых ограничений цифровизации⁴.

В настоящее время стратегическое планирование в сфере цифровой трансформации осуществляется при разработке следующих документов:

- ведомственные программы цифровой трансформации;
- стратегии цифровой трансформации отдельных отраслей экономики;
- стратегические направления цифровой трансформации отраслей;
- стратегии цифровой трансформации субъектов РФ.

Анализ данных документов свидетельствует о том, что для них характерно фрагментарное указание отдельных рисков при реализации соответствующих проектов и (или) мероприятий в рамках указанных стратегий и программ без оценки таких рисков и определения механизма управления рисками.

¹ Талапина, Э.В., Южаков, В.Н., Черешнева, И.А. Обеспечение фундаментальных прав человека при обработке данных в государственном управлении. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022.

² Правовые и этические аспекты, связанные с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники: история, современное состояние и перспективы развития. Санкт-Петербург, 2020. 260 с.; Минбалеев А.В. Регулирование использования искусственного интеллекта в России // Информационное право. 2020. № 1. С. 36-39.

³ Щитова А.А. Роль права в использовании искусственного интеллекта в цифровом государстве // Информационное право. 2020. № 2. С. 35-40.

⁴ Южаков В. Н., Ефремов А. А. Выявление системных правовых ограничений цифровизации государственного управления: текущее состояние и перспективы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 3 (42). С. 156-166; Ефремов А.А. К формированию механизма выявления и устранения системных правовых ограничений цифровизации государственного управления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 4. С. 59–83.

Проблемной является и ситуация с разработкой НПА в сфере цифровой трансформации, поскольку общая оценка рисков разрабатываемого регулирования осуществляется только в рамках процедуры оценки регулирующего воздействия (ОРВ). При этом такая оценка носит общий характер и не учитывается специфику рисков цифровой трансформации общественных отношений¹.

Кроме того, процедуры ОРВ проводится только в отношении проектов нормативных правовых актов, содержащих обязательные требования, а также из ее сферы, по сути, исключены проекты НПА, разрабатываемы в рамках Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», нормативных дорожных карт Национальной технологической инициативы, проекты положений об экспериментах и проекты программ экспериментальных правовых режимов².

Таким образом, необходима система оценки правовых рисков цифровой трансформации. Представляется, что такая системы должна включать следующие элементы:

- типология правовых рисков проектов цифровой трансформации, в том числе связанных с внедрением технологий искусственного интеллекта.

На основе общих подходов к правовой природе и содержанию правовых рисков, а также специфики отношений, возникающих в рамках цифровой трансформации, необходима разработка соответствующей типологии, учитывающие правовые риски разработки и реализации проектов и программ цифровой трансформации для прав и законных интересов личности, общества и государства;

- общий алгоритм оценки правовых рисков проектов цифровой трансформации, в том числе связанных с внедрением технологий

¹ Ефремов А.А. Оценка воздействия правового регулирования на развитие информационных технологий: зарубежный опыт и российские подходы к методике // Информационное право. 2018. № 4. С. 29-32.

² Ефремов А.А., Южаков В.Н. Оценка результативности и эффективности экспериментального регулирования в сфере цифровых инноваций // Информационное общество. 2021. № 3. С. 41-50.

искусственного интеллекта. Такой алгоритм должен предусматривать предварительную, текущую и последующую оценку правовых рисков цифровой трансформации, которые, соответственно, должны быть синхронизированы с процессом разработки соответствующих документов стратегического планирования и иных нормативных правовых актов и их реализацией;

- обеспечение системной взаимосвязи оценки правовых рисков проектов цифровой трансформации, в том числе связанных с внедрением технологий искусственного интеллекта, с разработкой, реализацией проектов цифровой трансформации, а также ведомственных, отраслевых и региональных программ и стратегий;

- обеспечение системной взаимосвязи оценки правовых рисков проектов цифровой трансформации, в том числе связанных с внедрением технологий искусственного интеллекта с разработкой проектов НПА в сфере цифровой трансформации и регулирования создания, внедрения и применения технологий искусственного интеллекта.

Для практического внедрения данной системы оценки необходима ее нормативная институционализация.

Нормативная институционализация системы оценки правовых рисков цифровой трансформации должна предусматривать:

- законодательное определение процедуры оценки правовых рисков проектов цифровой трансформации (в рамках Федерального закона от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 29.12.2022) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации");

- разработку и принятие постановления Правительства РФ о методике оценки правовых рисков проектов цифровой трансформации, при этом указанное постановление должно предусматривать цель проводимой оценки, субъектов оценки, типологию правовых рисков, алгоритм (порядок) такой оценки.

- применение разработанной и утвержденной методики в рамках разработки документов стратегического планирования (стратегий и программ цифровой трансформации), а также в рамках нормотворческих процедур при разработке нормативных правовых актов о цифровой трансформации (в том числе в рамках ОРВ, при разработке НПА в рамках Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», нормативных дорожных карт Национальной технологической инициативы, разработке положений об экспериментах и программ экспериментальных правовых режимов).

5. Проблемы применения генеративного искусственного интеллекта

Не менее важной проблемой, возникшей в процессе использования искусственного интеллекта и нейронных сетей, также требующей правового решения, является массовое внедрение и применение генеративного искусственного интеллекта, создающего самого разного рода тексты, изображения, аудио- и аудиовизуальные произведения на основе данных, на которых он был обучен¹. Активное его внедрение в различных сферах приводит к проблеме, связанной с отказом анализировать те или иные процессы и явления, но больше доверять продуктам таких алгоритмов. Проблемным представляется вопрос о возможной замене такими технологиями различных специалистов – журналистов, специалистов в сфере рекламы, сценаристов, педагогов и других. Хотя данный инструмент может дать быстрые и простые ответы практически на любые вопросы сегодня, однако определенную тревогу вызывает то, что неясно как это будет влиять на развитие и навыки критического мышления, а также решение проблем быстроменяющегося мира. Опасным представляется чрезмерное доверие таким технологиям, а также достоверности информации, которая создается ими. В связи с этим нормативное правовое регулирование процесса создания

¹ Асадуллина А. В., Белоусов В. С. Глобальные тренды в развитии и регулировании технологий искусственного интеллекта // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13, № 2. С. 727-748.

алгоритмов генеративного искусственного интеллекта должно учитывать все возможные риски и угрозы.

Возросший интерес связан с широким распространением ChatGPT – именно он сейчас является самым известным и «умным» генеративным ИИ в мире. Под генеративным ИИ понимается тип технологии искусственного интеллекта, которая может создавать различные типы контента, включая текст, изображения, аудио и синтетические данные. Недавний ажиотаж вокруг генеративного искусственного интеллекта вызван простотой новых пользовательских интерфейсов, позволяющих создавать высококачественный текст, графику и видео за считанные секунды.

Технология, надо отметить, не является новой. Генеративный искусственный интеллект был представлен в 1960-х годах в чат-ботах. Но только в 2014 году, с появлением генеративно-сопоставительных сетей (GAN) — типа алгоритма машинного обучения — генеративный ИИ смог создавать убедительно аутентичные изображения, видео и аудио реальных людей. Современные генеративные модели используют нейронные сети для выявления закономерностей и структур в существующих данных для создания нового и оригинального контента. Примеры базовых моделей включают GPT-3 и Stable Diffusion, которые позволяют пользователям использовать возможности языка. Например, ChatGPT, основанный на GPT-3, позволяет пользователям создавать эссе на основе короткого текстового запроса. Stable Diffusion, в свою очередь, позволяет пользователям создавать фотореалистичные изображения при вводе текста.

Одним из прорывов генеративных моделей искусственного интеллекта является возможность использовать различные подходы к обучению, включая обучение без учителя или полуконтроля для обучения. Это дало компаниям возможность более легко и быстро использовать большие объемы немаркированных данных для создания базовых моделей. Как следует из названия, базовые модели могут использоваться в качестве основы для систем искусственного интеллекта, способных выполнять несколько задач.

С одной стороны, генеративный ИИ открыл новые возможности, например, более качественное дублирование фильмов и создание образовательного контента. С другой стороны, генеративный ИИ может использоваться пользователями в противоправных целях – для создания дипфейков или нарушающих законодательство отдельных стран «новостей», например.

Поскольку дипфейки становятся не только проще и дешевле в производстве, но и более реалистичными, все труднее определить, являются ли они поддельными, а вероятность их использования в злонамеренных целях быстро растет. В последние месяцы было зарегистрировано несколько случаев создания дипфейков с использованием генеративного искусственного интеллекта. Некоторые созданы для развлечения и смеха, а другие созданы для более злонамеренных целей.

Фейковые новости в Интернете уже стали огромной проблемой, которая привела к серьезным опасениям по поводу подлинности цифровых медиа и их влияния на общественный дискурс. В случае с генеративным ИИ эта тенденция будет только ухудшаться, поскольку новые инструменты продолжают развиваться и становятся доступными для всех.

Именно поэтому и в юридических кругах генеративный искусственный интеллект является актуальной темой для дискуссии, ведь он породил ряд правовых проблем и неопределенностей. Среди них основными можно выделить вопросы по интеллектуальной собственности и ответственность.

Общее определение генеративного искусственного интеллекта

В первую очередь для дальнейшего развития правового регулирования (и вообще развития данной отрасли) представляется верным дать легальное определение генеративному искусственному интеллекту.

Поскольку существующие Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», и Концепция развития

регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 № 2129-р, одним из приоритетов является недопущение излишней «зарегулированности», а равно потому, что технологии развиваются быстрее, чем государственный аппарат может воздействовать на законодательство, давать определение в рамках какого-то федерального закона (например, Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ) кажется преждевременным и излишним.

Разъяснения, что именно понимать под генеративным искусственным интеллектом, может дать Правительство РФ при создании соответствующего экспериментально-правового режима, в рамках которого стоит апробировать дальнейшие предлагаемые в данной справке меры перед их внесением непосредственно в законодательство.

С нашей точки зрения, удачным определением могло бы стать такое.

Под генеративным искусственным интеллектом понимается такая система, которая при использовании технологий искусственного интеллекта создает новые и оригинальные текст, изображение, аудио- или видеодокумент на основании конкретного пользовательского запроса.

Такое определение не создает лишних границ, размывая необходимую в современных реалиях грань между различными технологиями, при этом подчеркивает основные свойства генеративных сетей – (1) создание именно нового контента, отличающегося определенной степенью оригинальности, и (2) создание такого контента именно по запросу отдельного пользователя, а не по прихоти разработчиков или самостоятельно.

Интеллектуальная собственность и генеративный искусственный интеллект

Хотя может показаться, что генеративный искусственный интеллект может создавать новый контент просто из ничего, это не так. Платформы генеративного ИИ обучаются на озерах данных и фрагментах вопросов —

миллиардах параметров, которые создаются с помощью программного обеспечения, обрабатывающего огромные архивы изображений и текста. Платформы искусственного интеллекта восстанавливают закономерности и взаимосвязи, которые используют для создания правил, а затем выносят суждения и прогнозы (это и означает «генерируют контент»), отвечая на запрос пользователя.

Этот процесс сопряжен с потенциальным нарушением прав интеллектуальной собственности. Основных проблем две:

- распространяется ли нарушение авторских прав, патентов и товарных знаков на творения ИИ?

- кому принадлежит контент, который генеративный ИИ создает для пользователя?

Оба этих вопроса на законодательном уровне сейчас ни в одной юрисдикции полноценно не определены.

В долгосрочной перспективе разработчикам ИИ придется взять на себя инициативу в отношении способов получения данных. Stable Diffusion, Midjourney и другие создали свои модели на основе набора данных LAION-5B, который содержит почти шесть миллиардов помеченных изображений, собранных в результате беспорядочного парсинга из Интернета, и, как можно догадаться, включает большое количество произведений, защищенных авторским правом.

Stability.AI, разработавшая Stable Diffusion, объявила, что художники смогут отказаться от использования их работ для генератора изображений следующего поколения. Но это возлагает на создателей контента обязанность активно защищать свою интеллектуальную собственность, а не требовать от разработчиков ИИ обеспечивать защиту интеллектуальной собственности для произведения перед ее использованием — и даже если художники откажутся от этого, это решение будет отражено только в следующей итерации.

Разработчикам также следует работать над способами сохранения происхождения контента, созданного ИИ, что повысит прозрачность работ, включенных в данные обучения. Например, сохранять в описание платформы, которая использовалась для генерации контента, подробную информацию об использованных настройках, отслеживание метаданных начальных данных и теги для облегчения отчетности ИИ, включая генеративные начальные данные, а также конкретный запрос, который использовался для создания контента.

Однако все указанное выше – вопросы этики разработчиков. Как известно, в России принят и действует Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, поддерживаемый на базе Альянса в сфере ИИ. Возможно, рассматриваемые вопросы стоит также обсудить в рамках деятельности Комиссии по этике при нем, создав первичные рекомендации для разработчиков генеративного ИИ. Однако в дальнейшем в условиях развития технологии и увеличения спроса на нее данный вопрос все же придется решать на законодательном уровне.

Особенно остро стоит вопрос о принадлежности права интеллектуальной собственности на сгенерированный контент. В результате многочисленных обсуждений сформировалось четыре базовых подхода к вопросу о принадлежности интеллектуальных прав.

1. Права принадлежат пользователю, который создал объект с помощью ИИ, независимо от его творческого или интеллектуального вклада;
2. Права принадлежат разработчику ИИ;
3. Права принадлежат и пользователю, и разработчику ИИ;
4. Права на произведение принадлежат искусственному интеллекту.

WIPO (Всемирная организация интеллектуальной собственности) разделяет произведения, созданные только нейросетью и созданные с участием человека. По мнению WIPO объекты первой категории вообще не подлежат защите с точки зрения интеллектуальных прав, а во втором случае

они принадлежат лицу, которое использовало нейросеть и/или самим машинного алгоритма.

В Российской Федерации однозначный подход не сложился. Тем не менее, в том числе преследуя цели и задачи, обозначенные в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года и Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, представляется правильным придерживаться следующего подхода.

Сначала в рамках экспериментального правового режима, а затем, если данные нормы покажут свою эффективность и разумность, внести поправки в Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ:

1) Статью 1225 дополнить положением, что «результаты работы генеративного искусственного интеллекта признаются интеллектуальной собственностью в значении настоящей статьи»;

2) Предусмотреть, что авторство в отношении и исключительное право на результат работы генеративного искусственного интеллекта определяются в соответствии с пользовательским соглашением по использованию платформы, на которой размещен соответствующий генеративный искусственный интеллект (поправки в ст. 1228 и 1229).

Такой подход не соотносится с позицией Всемирной организации по интеллектуальной собственности, однако отвечает запросам государства и бизнеса в отношении технологий искусственного интеллекта. Кроме того, он не противоречит действующему законодательству: творческий вклад в генерацию контента присутствует в любом случае, так что результат работы генеративного ИИ должен признаваться защищаемым объектом интеллектуальной собственности. При этом предусматривается свобода воли сторон и высокая степень усмотрения разработчика ИИ на установление авторства, что представляется справедливым: им были затрачены существенные денежные, временные и иные ресурсы для создания системы

искусственного интеллекта, и поскольку государство намерено его поддерживать для дальнейшего развития отрасли, то как минимум в краткосрочной перспективе должно дать ему такое право.

Ответственность при применении генеративного искусственного интеллекта

В ходе генерации пользователями контента в генеративном искусственном интеллекте ими намеренно или случайно может быть создан текст или изображение, противоречащие современному законодательству, например, статье 6.20. («Изготовление юридическим лицом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и оборот таких материалов или предметов»), 20.3 КоАП РФ («Публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских, террористических организаций») или статьи 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»). Составов, под которые может попасть разработчик и/или владелец генеративного ИИ при генерации контента, довольно много (19 в Уголовном кодексе и 12 – в Кодексе об административных правонарушениях).

Сейчас разработчикам приходится в своих нейронных сетях ставить глобальные ограничения на генерацию контента, что зачастую негативно сказывается на том, насколько точно и в тему отвечает на запросы ИИ. И полноценно проблему не решает: пользователи придумывают все новые способы обходить запреты и генерировать то, за что разработчик в теории может быть привлечен к административной или уголовной ответственности.

Самым верным решением представляется снятие с разработчиков ответственности на законодательном уровне. Быстрее и логичнее всего внести поправки в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ, в которых закрепить, что ответственность за распространение незаконной информации, сгенерированной с помощью нейросетей, лежит исключительно на пользователе (поправки в ч.6. ст.10), а разработчик, соответственно, не несет

(поправки в ч.3 ст.17). Для уверенности в добросовестности всех участвующих сторон отдельно можно закрепить, что предоставление сервиса пользователю не является распространением информации, публичным действием или призывом; но при этом разработчик принимает разумные меры для обеспечения соблюдения законодательства (путем введения новой статьи 10.8 «Особенности использования сервисов на основе систем генеративного искусственного интеллекта»).

Такой выход представляется разумным и обоснованным. Во-первых, он соответствует смыслу диспозиций потенциально «опасных» статей Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях – ответственность предусмотрена именно за распространение, а не за сам факт создания какого-либо текста/изображения. Кроме того, разработчик не может предусмотреть все возможные запросы пользователей, а потому возлагать на него ответственность за неправомерные действия людей кажется несоответствующим духу нашего законодательства.

Таким образом, в области регулирования генеративного искусственного интеллекта существует две основных проблемы: в сферах интеллектуальной собственности и ответственности.

В первом случае ситуация одновременно этическая и правовая. Нейросети обучаются на реальных изображениях и текстах, и их авторы высказывают обоснованные и логичные опасения и негодование. Кроме того, не определен вопрос, кому принадлежит итог запроса пользователя генеративному ИИ.

Во второй ситуации речь идет об ответственности разработчика за распространение контента, сгенерированного пользователем.

Правильными решениями представляются:

1. Проблему использования чужих результатов интеллектуальной деятельности для обучения генеративного ИИ оставить в сфере этики и предложить разработать соответствующие рекомендации Комиссии по реализации Кодекса в сфере искусственного интеллекта;

2. Признать результаты работы генеративного ИИ объектами интеллектуальной собственности; авторство в отношении и исключительное право на результат работы определять в соответствии с пользовательским соглашением по использованию платформы;

3. Исключить ответственность разработчика генеративного ИИ путем внесения изменений в законодательство, закрепляющих, что ответственность за распространение несет сам пользователь, а факт генерации контента распространением не считается

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Международные акты

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998. 10 дек.
2. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
3. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956, с. 14–47.
4. Резолюция Европарламента от 16.02.2017 [Электронный ресурс]. URL: https://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies (дата обращения: 01.02.2021).

Нормативные акты, иные официальные документы

5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).
6. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1; 2018. № 31. Ст.4811.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2023. № 31 (ч. 3). Ст. 5777.
8. Федеральный закон от 31.12. 2014 № 488-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О промышленной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 41; 2023. № 31 (ч. 3). Ст. 5797.

9. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4736.

10. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5017.

11. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных" // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

12. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных" от 24.04.2020 № 123-ФЗ» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

13. Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 (ред. от 15.03.2021) «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6887; 2021. № 12. Ст. 1982.

14. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

15. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с

«Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

16. Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 18. Ст. 3053.

17. Постановление Правительства РФ от 25.08.2017 N 996 (ред. от 13.05.2022) «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 36. Ст. 5421; 2022. № 21. Ст. 3450.

18. Распоряжение Правительства РФ от 01.11.2013 № 2036-р (ред. от 18.10.2018) «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014 - 2020 годы и на перспективу до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 46. Ст. 5954.

19. Распоряжение Правительства РФ от 23.03.2018 № 482-р (ред. от 28.05.2020) «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Технет» (передовые производственные технологии)» // СЗ РФ. 2018. № 15 (ч. 5). Ст. 2173.

20. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.

21. Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2021 № 3744-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 1 (ч. 4). Ст. 264.

22. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2022 № 4261-р «Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности

Российской Федерации до 2035 года» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1 (ч. 3). Ст. 422.

23. Послание Президента России Федеральному Собранию от 01.03.2018 // Российская газета. 2018. 2 марта.

24. Перечень поручений по итогам конференции "Путешествие в мир искусственного интеллекта", утв. Президентом РФ 29.01.2023 № Пр-172. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

25. ГОСТ Р 58776-2019 «Национальный стандарт Российской Федерации. Средства мониторинга поведения и прогнозирования намерений людей. Термины и определения», утв. приказом Росстандарта от 20.12.2019 № 1429-ст.

Монографии

26. California Consumer Privacy Act (CCPA), Page 1. "California Consumer Privacy Act (CCPA)," Page 1.

27. Civil Law Rules on Robotics. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) [Электронный ресурс] URL: <https://tinyurl.com/yazlkda5>.

28. Hallevy G. Liability for Crimes Involving Artificial Intelligence Systems / G. Hallevy. - Dordrecht : Springer, 2015. - 262 p.

29. Kemp R. Legal Aspects of Artificial Intelligence. URL: <http://www.kempitlaw.com/wp-content/uploads/2016/11/Legal-Aspects-of-AI-Kemp-IT-Law-v1.0-Nov-2016-2.pdf> (дата обращения: 28.07.2018).

30. Recommendation № 2102 (2017) of Parliamentary Assembly of the Council of Europe «Technological convergence, artificial intelligence and human rights» (дата обращения: 04.02.2021).

31. Solum L.B. Legal Personhood for Artificial Intelligences// North Carolina Law Review. 1992. Vol. 70. No. P. 1262-1265.

32. Америк Р.В. Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М.: Норма, 2023. С. 32-35.

33. Андреев В.К., Лаптев В.А., Чуча С.Ю. Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров // Вестник Санкт-Петербургского университета: Право. Том. 11. Вып. 1. 2020. С. 19–34.

34. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России Закона о робототехнике // Труды СПИИ РАН. 2017. Вып. 6. С. 46-62.

35. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170.

36. Астахова Л.В., Султанов Д.Р., Ашихмин Н.А. Защита облачной базы персональных данных с использованием гомоморфного шифрования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника. 2016. № 16. С. 52–61.

37. Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г., Посашков С.А. Пределы и риски цифровой трансформации // Цифровая трансформация. 2020. № 2. С. 51-57.

38. Баленко Е. Искусственный интеллект получит права и обязанности [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/11/26/5bf7dd5f9a7947b5a2f61ced>

39. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: монография. М.: Проспект, 2021. С. 30–33.

40. Бостром Н. Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии: пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. - 490 с.

41. Валеева Г.В. Этические риски цифровой трансформации высшего образования // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 11. С. 2343-2347.

42. Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2008. № 1. С. 16–29.

43. Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.

44. Гурьева Т.Н., Шарабаева Л.Ю. Перспективы и риски цифровой трансформации в государственном управлении // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2022. Т. 13. № 1 (53). С. 57-62;

45. Демидова С.Е. Риски финансовой системы в условиях цифровой трансформации экономики // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. № 2 (41). С. 5-14.

46. Добробаба М. Б., Минбалеев А. В. Пандемия как новый импульс развития системы регулирования отношений, применяемых в сфере искусственного интеллекта, применяемого в государственном управлении // Роль и значение права в условиях пандемии : монография по итогам Международного онлайн-симпозиума / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М., 2021. С. 167–177.

47. Добробаба М.Б. Искусственный интеллект в государственном управлении: новые возможности и новые угрозы // В сборнике: Государство и право России в современном мире: сборник докладов XII Московской юридической недели: в 5 ч. Ч. 2. – М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 263-267.

48. Добробаба М.Б. Искусственный интеллект в здравоохранении: тенденции и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы права и экономики в ракурсе междисциплинарных научных исследований как формы международного сотрудничества. Сер. "Актуальные проблемы зарубежного и российского права" / Под общей редакцией В.В. Блажеева, М.А. Егоровой; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА); Международный альянс юристов и экономистов (Франция). М.: Проспект, 2022. С. 205-214.

49. Добробаба М.Б. Использование цифровых технологий в образовательном процессе: проблемы и перспективы. В книге: Информационные технологии в гуманитарных и общественных исследованиях: сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола с международным участием в рамках Саратовского международного юридического форума, посвященного 90-летию Саратовской государственной юридической академии. Саратов, 2021. С. 21-23.

50. Добробаба М.Б. Понятие персональных данных: проблема правовой определённости // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 42–52.

51. Добробаба М.Б. Проблема нормативного обеспечения прав граждан в условиях развития искусственного интеллекта. В сборнике: Роль права в обеспечении благополучия человека: Сборник докладов XI Московской юридической недели: XX Международная научно-практическая конференция XXII Международная научно-практическая конференция Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. В 5 ч. М., 2022. С. 324-327.

52. Добробаба М.Б., Чаннов С.Е. Применение цифровых технологий в целях противодействия совершению коррупционных правонарушений в системе государственной службы // Информационное право. 2022. № 3 (73). С. 25–29.

53. Евсиков К.С., Суворов А.А., Братчикова Л.Р. «Цифровая трансформация противодействия коррупции» // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 65-78.

54. Ефремов А.А. К формированию механизма выявления и устранения системных правовых ограничений цифровизации государственного управления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 4. С. 59–83.

55. Ефремов А.А. Оценка воздействия правового регулирования на развитие информационных технологий: зарубежный опыт и российские подходы к методике // Информационное право. 2018. № 4. С. 29-32.

56. Ефремов А.А., Южаков В.Н. Оценка результативности и эффективности экспериментального регулирования в сфере цифровых инноваций // Информационное общество. 2021. № 3. С. 41-50.

57. Залоило М.В. Искусственный интеллект в праве: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. М.: Инфотропик Медиа, 2021. – 132 с.

58. Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (LegalTech): учебник / под ред. А.В. Минбалева). М.: Проспект, 2022. 368 с.

59. Калинин А.А. Вызовы и риски цифровой трансформации медиа // II Моисеевские чтения: культура как фактор национальной безопасности России. Доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции. Под редакцией А.В. Костиной, В.А. Лукова. 2019. С. 356-365.

60. Карпикова А.С. Риски и проблемы государственного управления в условиях цифровой трансформации // Управление и цифровизация: национальное и региональное измерение. Сборник статей национальной научно-практической конференции с международным участием. Брянск, 2021. С. 30-33.

61. Кибальник А.Г., Волосюк П.В. Искусственный интеллект: вопросы уголовно-правовой доктрины, ожидающие ответов // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2018. № 4 (44). С. 173–178.

62. Кирина А. Искусственный интеллект, контроль и судебные споры // Административное право. 2021. № 4. С. 39–42.

63. Ковлер А.И. Права человека в цифровую эпоху // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2019. № 6. С. 146–150.

64. Козин И.С. Метод обеспечения безопасной обработки персональных данных на основе применения технологии блокчейн // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2019. Т. 19. № 5. С. 892–900.

65. Костыра А. Робот-судья – уже не столь далекое будущее // Российская газета. 2019. 21 нояб.

66. Котлярова В.В. К вопросу о цифровизации процесса отправления правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 12. С. 46–49.

67. Кутейников Д.Л., Ижаев О.А., Зенин С.С., Лебедев В.А. Киберфизические, кибербиологические и искусственные когнитивные системы: сущность и юридические свойства // Российское право: образование, практика, наука. 2019. №3 (111). С. 75–81.

68. Лаптев В.А. Ответственность «будущего»: правовое пространство и вопрос оценки доказательств // Гражданское право. 2017. № 3. С. 32–35.

69. Липчанская М.А., Заметина Т.В. Социальные права граждан в условиях использования искусственного интеллекта: правовые основы и пробелы законодательного регулирования в России // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 77–96.

70. Литвин И.И. Особенности сбора, обработки и защиты персональных данных искусственным интеллектом // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 4. С. 112–118.

71. Литвин И.И. Особенности сбора, обработки и защиты персональных данных искусственным интеллектом <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sbora-obrabotki-i-zaschity-personalnyh-dannyh-iskusstvennym-intellektom>

72. Меняйло Г.В. Риски цифровой трансформации бизнеса // Современная экономика: проблемы и решения. 2020. № 3 (123). С. 110-120.

73. Минбалеев А.В. Проблемы социальной эффективности и защиты прав человека при использовании искусственного интеллекта в рамках

социального скоринга // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2020. Т. 20. № 2. С. 96–101.

74. Минбалеев А.В. Регулирование использования искусственного интеллекта в России // Информационное право. 2020. № 1. С. 36–39.

75. Минбалеев А.В., Сторожакова Е.Э. Проблемы правовой охраны персональных данных в процессе использования нейронных сетей // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 71–79.

76. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: Буки Веди, 2017. 257 с.

77. Морхат П.М. Право и искусственный интеллект: научная монография/ предисл. И.А. Близначева и И.Ф. Понкина / под ред. И.В. Понкина. М.: Юрсервитут, 2021. – 257 с.

78. Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник СПбГУ. Право. 2019. Т. 10. Вып. 3. С. 461–476.

79. Наумов В.Б., Архипов В.В. Проект федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» / Право и информация: вопросы теории и практики : сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Н. А. Шевелёва, д-р юрид. наук, проф. 2018. С. 220–228.

80. Оль П.А. Нация как субъект права: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. – 22 с.

81. Павликов С.Г. К вопросу об ограничении конституционных прав (на примере предпринимательской деятельности в сфере цифровых технологий) // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 54–55.

82. Писаренко М.С. К вопросу об искусственном интеллекте и его сущности // Вопросы российской юстиции. 2020. № 10.

83. Правовые и этические аспекты, связанные с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники: история, современное состояние и перспективы развития. Санкт-Петербург, 2020. 260 с.

84. Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / под ред. А.В. Незнамова) [Электронный ресурс]. М.: Инфотропик Медиа, 2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

85. Санакоева Я.И., Моргоева А.Д., Моргоев И.Д. Человек в цифровой трансформации общества: вызовы и риски // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11. № 2А. С. 170-177.

86. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2019. №. 2. С. 75–85.

87. Талапина Э.В. Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 25–39.

88. Талапина, Э.В., Южаков, В.Н., Черешнева, И.А. Обеспечение фундаментальных прав человека при обработке данных в государственном управлении. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022.

89. Теория правового регулирования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники в Российской Федерации: монография / Г.Ф. Ручкина, М.В. Демченко, А.В. Попова [и др.]; / под ред. Г.Ф. Ручкиной. М.: Прометей, 2020. – 296 с.

90. Титаренко Л.Г. Гуманитарные риски цифровой трансформации как угроза национальной безопасности Беларуси // Современный мир и национальные интересы Республики Беларусь. Материалы международной научной конференции. Редколлегия: Е.А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2021. С. 355-360.

91. Федорина А.А. К вопросу о правовом статусе робототехники и искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. URL: https://urfac.ru/?p=1285#_ftn23 (дата обращения: 16.07.2023).

92. Фурман М.В. Риски цифровой трансформации российского общества // Новая экономика, бизнес и общество. Материалы Апрельской научно-практической конференции молодых учёных. Отв. редакторы В.В. Глотова, К.И. Феоктистова. Владивосток, 2021. С. 843-850.

93. Холодная Е.В. О перспективных направлениях правового регулирования в сфере технологии искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12 (64). С. 89-96.

94. Хоминич И.П., Пискарев Д.М. О рисках регулирования обращения цифровой валюты и ICO // Финансы, деньги, инвестиции. 2020. № 1 (73). С. 16-22.

95. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. -640 с.

96. Шабаева О.А. Право в условиях цифровой реальности: постановка проблемы // Сибирский юридический вестник. 2019. № 1. С. 16–20.

97. Шестак В.А., Волеводз А.Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 2. С. 197–206.

98. Щитова А.А. Риски применения технологий искусственного интеллекта и пути их преодоления // В книге: Актуальные проблемы развития юридической науки в условиях правовой интеграции. Монография. К 90-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Под общей редакцией В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. Москва, 2021. С. 320-335.

99. Щитова А.А. Роль права в использовании искусственного интеллекта в цифровом государстве // Информационное право. 2020. № 2. С. 35-40.

100. Южаков В. Н., Ефремов А. А. Выявление системных правовых ограничений цифровизации государственного управления: текущее состояние и перспективы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 3 (42). С. 156-166;

101. Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М.: Проспект, 2019. – 240 с.

Интернет-ресурсы

102. China's coronavirus health code apps raise concerns over privacy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/01/chinas-coronavirus-health-code-apps-raise-concerns-over-privacy> (дата обращения: 04.02.2021).

103. Civil law rules on robotics European Parliament. Legislative Observatory. URL: [https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?lang=en&reference=2015/2103\(INL\)](https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?lang=en&reference=2015/2103(INL)) (date of access: 10.06.2023).

104. Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // [Электронный ресурс] URL: [Электронный ресурс] URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML%2BCOMPARL%2BPE-582.443%2B01%2BDOC%2BPDF%2BV0//EN> (дата обращения: 28.05.2018).

105. Liao S. IBM didn't inform people when it used their Flickr photos for facial recognition training [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theverge.com/2019/3/12/18262646/ibm-didnt-inform-people-when-it-used-their-flickr-photos-for-facial-recognition-training> (дата обращения: 15.01.2021).

106. SHOT: уклонистов выявляют в Москве с помощью системы распознавания лиц [Электронный ресурс]. URL; <https://news.ru/world/v-turcii-gosbanki-perestali-obluzhivat-karty-mir/> (дата обращения: 30.02.2022).

107. Stanford Researchers Warn U.S. – Cops Already Using AI to Stop Crimes BEFORE They Happen URL: <http://thefreethoughtproject.com/pre-crime-cops-ai/> (дата обращения: 25.01.2021).

108. Вирус шпиономании: Израиль начал электронную слежку из-за пандемии [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/989321/kirill-senin/virus->

[shpionomanii-izrail-nachal-elektronnuiu-slezhku-iz-za-pandemii](#) (дата обращения: 04.02.2021).

109. Гомоморфное шифрование медицинских данных [Электронный ресурс]. URL: https://issek.hse.ru/data/2016/01/22/1137915379/Трендлеттер_ИКТ_ИБ.pdf

110. Дмитрий Гришин представил проект регулирования правового статуса роботов в России [Электронный ресурс] URL: <http://robotrends.ru/pub/1650/dmitriy-grishin-predstavil-proekt-regulirovaniya-pravovogo-statusa-robotov> (дата обращения: 06.08.2023).

111. Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по теме «Уроки эпидемии с точки зрения соблюдения прав и свобод человека и гражданина» [Электронный ресурс]. URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/687/> (дата обращения: 30.01.2021).

112. Животных признают субъектами права с ограниченной дееспособностью [Электронный ресурс] URL: <http://mospravda.ru/2016/11/14/17320/> (дата обращения: 16.09.2023).

113. Иванов А. Мечтают ли андроиды об электроовцах? // Закон.ру. 2017. URL: [https://zakon.ru/blog/2017/2/15/mechtayut li androidy obelektroovcakh](https://zakon.ru/blog/2017/2/15/mechtayut_li_androidy_obelektroovcakh) (дата обращения: 13.08.2023).

114. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. URL: <https://ethics.a-ai.ru>

115. Меликян А. «Uber освободили от уголовной ответственности за гибель человека, сбитого беспилотником» // Интернет-журнал о бизнесе в России. 2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://secretmag.ru> (дата обращения: 19.03.2019).

116. Момотов рассказал, почему искусственный интеллект никогда не заменит судьбу [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/210547/> (дата обращения: 04.02.2021).

117. Нейронные сети и уголовное право [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2019/6/8/neironnye_seti_i_ugolovnoe_pravo (дата обращения: 04.02.2021).

118. Путин: монополист в сфере искусственного интеллекта может стать властелином мира [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6489864> (дата обращения: 28.08.2023).

119. Сазонова М. Обезличивание данных: сохранение баланса между правами граждан и развитием инноваций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/news/1464529/>

120. СЕ утвердил регламент применения искусственного интеллекта в правосудии [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/207390/> (дата обращения: 25.01.2021).